

ИСКУШЕНІЕ
АВРААМОВО

ПОЕМА

Въ трехъ Пѣсняхъ.

На ижд. П. Б.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1787 года.

ИСКУШЕНІЕ АВРААМОВО

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дщерь небесъ, древле на холмѣ Едема превознесенная, ты, которая въ юныя лѣта міра, во время истиннаго златаго вѣка обитала во пріятныхъ тѣняхъ вертоградовъ невинности, небесная Муза, матерь добродѣтели, настави меня, воспѣти искушеніе Авраамово и торжество вѣры и послушанія его; вразуми меня прославити святаго мужа, который услыша гласъ Господень глаголющій къ нему, забываетъ что онъ родитель, и ведетъ возлюбленнаго сердцу его сына, сына единороднаго, на гору Морію, заклати на жертву Господеви: вразуми меня божественно воспѣти священнѣйшую добродѣтель.

Уже на вершинахъ восточныхъ горъ является вожделѣнный день, въ которой сынъ обѣтованія, возлюбленный Исаакъ долженствовалъ возвратитися изъ земли Харанскія, въ которой онъ пребывалъ годичное время, въ дому Нахора у родственницы своея Мелехи; сей благословенный день большимъ блистаніемъ проливалъ свѣтъ свой по лугамъ и долинамъ, гдѣ сему спѣшащему юношѣ проходить надлежало. Уже и Авраамъ изъ сѣни своея исходитъ и радостныя свои взоры на восточные холмы устремляетъ и чаетъ зрѣти сквозь багряный блескъ, подобіе велблюдовъ со протяженными ихъ выями, или паче и самыя стопы путешествующихъ: сіе мечтательное видѣніе его очи веселящее любезно родительскому сердцу. Воззываемый благорастворенїемъ утренняго воздуха и священнымъ восторгомъ невидимо присутствїемъ Божїимъ въ душѣ его воспаленнымъ, восходитъ на

холмъ кедрами преосѣненный, на вершинѣ котораго сооруженъ былъ жертвенникъ благоугодный Всевышнему. Тамо священными своими руками возжигалъ Господу мирѳу и касїю; искреннїя его молитвы восходили съ благовоннымъ жертвеннымъ куренїемъ, и вознося превыше всѣхъ небесъ, достигали Зиждителева престола, и Господь призиралъ на оныхъ милостивѣе, нежели на благоуханїе всесожженїй. О благость превѣчная! (тако вѣщало сердце и очи его, хотя уста его безмолвны пребывали), о ты избравшїй Арваама проповѣдывать безпредѣльное всемогущество твое по племени его, ты виновникъ благословенїй излїянныхъ нынѣ на безцѣннѣйшїй даръ изъ всѣхъ даровъ твоихъ, на Исаака наслѣдника твоего обѣтованїя, благослови, да рабъ твой падши на лице земли восхвалитъ тя съ сокрушеннымъ сердцемъ! о ты удостоивай явити на земли божественный зракъ

твой, научи насъ творити волю твою, волю, коей покаряются небеса, гдѣ святое слово твое владычествуетъ надъ чистѣйшими существами. Устрой, да Исаакъ живетъ въ законѣ твоемъ, благоволи отеческой горячности моей, зрѣти его увѣнчанна всѣми добродѣтелями и достойна того, чтобъ спасенiе мiра произошло отъ корене его! да приведетъ его сей вожделѣнный съ небесъ снизшедшiй и благословенный взоромъ твоимъ день, во объятiя моя. Тако молился Авраамъ прикникши лицемъ на землю.

Лежащу ему еще на земли, внезапно ясное сiянiе холмъ окружаетъ и отъ часу болѣе увеличиваяся на подобiе лучезарнаго облака, распространяется около лазореваго неба. Авраамъ возведши очи свои созерцаетъ присутствiе Божiе; Ангелъ мановенiемъ Всевышняго, снисходитъ невидимо и укрѣпляетъ зрѣнiе сего старца. Авраамъ простерши единожды

взоръ свой (ибо очи смертнаго долѣе взирати немогутъ) на величїе Божїе, зритъ сквозь неизчетныя полки покланяющихся ему Ангеловъ Саваоѳа, сѣдяща на свѣтозарномъ престолѣ окружаемомъ Херувимами. О ты Божественное зрѣлище, уста смертныхъ повѣдая тебя, лишь только помрачаютъ! при семъ небесномъ явленїи всякая плоть человѣческая во изнеможенїе приходитъ. Объемлемый трепетомъ (которой всякой разъ раждалъ въ душѣ его усладительныя чувствованїя) падши ницъ на землю поклонился ему. Никогда Божество неявлялось ему въ таковомъ велелѣпїи. Тысяща новыхъ предчувствованїй возраждалися въ его сердцѣ. Но подкрѣпленный свѣтомъ Божїимъ, востаетъ и слышитъ въ безмолвномъ пространствѣ потрясшихся небесъ раздавшїйся громкїй гласъ Саваоѳа, вѣщающїй ему тако:

Авраамe! Авраамe! Се азъ, отвѣтствуетъ Авраамъ: поими рекъ Саваоѳъ, поими единороднаго сына своего, Исаака возлюбленнаго своего, гряди въ Морiю и на горѣ, юже знаменiемъ явлю тебѣ, принеси мнѣ его во всесожженiе. Тако вѣщалъ страшный гласъ Саваоѳа.

Авраамъ паки повергается во уныніе, но озаренiе Божества подкрѣпляетъ его, и непопускаетъ его прийти отъ толь страшнаго велѣнiя въ конечное изнеможенiе: однако всѣ кости его вострепетали. Сердце его хотя и было болѣзненною скорбiю снѣдаемо, но никакъ и помыслить недерзало воспротивитися предвѣчному уставу. Лицемъ поверженный на землю, и со исполненными слезъ очами проливалъ моленiя ко Господу: душа его была преисполнена благоговѣнiя и повиновенiя. Богъ предвидящiй будущее и проницающiй сокровеннѣйшiя помышленiя, зритъ въ сердцѣ Авраамовомъ

глубочайшую преданность: зритъ дѣйствїе и торжество святыя вѣры его, благословляетъ его и паки на небеса восходитъ.

Между тѣмъ старецъ воставъ, снизходитъ со святаго холма сего. Къ западу обширныхъ его селенїй находится изъ сѣнолиственныхъ древесъ дубрава на подобїе ущербленной луны окружающая сїи спокойныя обиталица. Никогда полуденной зной не проницалъ тѣнистыхъ кущъ оныя, и въ то самое время когда единое солнце на распаленной тверди было зримо въ тѣняхъ сея рощи прїятная прохлада водворялась. Ни въ какомъ мѣстѣ немогли столь способно раждаться высокїя мысли въ душѣ человѣка бесѣдующаго съ самимъ собою, какъ въ семъ спокойномъ убѣжищѣ. Удалившись въ сїе мѣсто тревожимый горестными размышленїями Авраамъ, прохаживался съ прискорбнымъ видомъ подъ сими густыми древесами. Тако

скорбѣлъ Адамъ, когда зрѣлъ себя со злощастною красотою изгоняема изъ рая пламеннымъ мечемъ Херувима, тако сѣтовалъ когда послѣднiй уже разъ печальные свои взоры обращалъ на блаженныя поля, на долины испещренныя цвѣтами, на вертограды обремененные позлащенными плодами, потомъ слезящiе свои очи отвратя оттолѣ устремляетъ на луга опредѣленные ему въ бѣдное сельское жилище, плачевный образъ премѣны его жизни: подобно и Авраамъ удрученный печальными размышленiями, простиралъ стопы свои въ тѣняхъ сего лѣса, невѣдая самъ куда. Волнующаяся душа его недолго изнемогала подъ бременемъ сихъ мрачныхъ мыслей; онъ приходя мало по малу во успокоенiе, тако вѣщалъ:

Когда высочайшее Существо извѣщаетъ веленiя свои, когда тотъ, коему вселенная служитъ подножiемъ, удостоеваетъ глаголомъ своимъ Ан-

геловъ и человѣковъ, тогда Ангелы и человѣки въ глубокомъ молчанiи пребываютъ и со страхомъ внемлютъ вѣщанiямъ его. Ему единому извѣстно, что онъ требуетъ и что творить повѣлеваетъ, и ни единъ изъ Херувимовъ сего невѣсть. Если бы тѣмъ же самымъ дуновенiемъ, коимъ сотворилъ всѣ существа, паки превратилъ бы въ безобразную смѣсь небеса и всѣхъ живущихъ на нихъ, то кто могъ бы внити въ судъ съ нимъ? Если бы угодно было создателю, преобратить въ небытiе всѣ силы небесныя и невнимати болѣе похвальнымъ пѣснямъ ихъ, то и въ то самое время, Ангелы почти уже уничтожаемые, ощущая послѣднее чувствiе смерти, были бы принуждены въ пѣсняхъ своихъ превозносить его хвалами; а мнѣ ли, коему смерть несравненно свойственнѣе нежели Ангеломъ, мнѣ ли безъ роптанiя неисполнить велѣнiя его? Но о Господи! про-

сти, коль отеческія воздыханія примѣшаются ко благоговѣнію моему! не вниди во гнѣвъ, о создателю и отче мой! коль непреодолимое естество востаетъ противу воли твоея! благослови, ахъ! благослови оплакати смерть любезнѣйшаго моего сына! Неменѣе пролію я слезъ надъ его отъ смертнаго хлада оледенѣлымъ тѣломъ, нежели сколько въ восторгѣ радости моея, проліялъ оныхъ на любезной зракъ его въ часъ, когда онъ во свѣтъ родился. Ты вѣси, о сердцевѣдче! ты вѣси, съ какимъ искреннимъ чувствованіемъ воздавалъ я тебѣ благодареніе за сей даръ благости твоея; ты былъ свидѣтелемъ божественныя радости, произведенной во мнѣ раждающейся лѣпотою души его, которую съ того времени предпріялъ я въ добродѣтель наставить. Колико былъ онъ любезенъ въ первыя лѣта юности, колико онъ возрастая усугублялъ во мнѣ ту надежду, кото-

рую ты о немъ произвелъ въ моемъ сердцѣ, коль свята была надежда днесь отъ очей моихъ изчезающая. Но я молчу, повинуюсь и со всякимъ смиренїемъ почитаю святые твои уставы. Даждь мнѣ крѣпость, о отче мой! утверди мое предпрїятїе, да невостанетъ сердце мое противу божественныхъ судебъ твоихъ. Господи мой! да будетъ воля твоя.

Тако рекъ онъ, воздерживаясь отъ слезъ уже готовыхъ пролїятися изъ очей его. Между тѣмъ съ высоты сребровидныхъ облакъ, Ангелъ хранитель Исааковъ, разсматривалъ священное благоговѣнїе изображенное на спокойномъ зракѣ Авраамовомъ, коего ни единая черта небыла притворна; однако тайная его скорбь, похитила тѣ прїятныя осклабленїя, кои на устахъ его зримы были. Пришедъ во умиленїе даже до излїянїя слезъ отлетаетъ къ свѣтозарному другу своему, и тако ему вѣщаетъ:

Коликая для насъ радость, небесный друже, любить въ человѣкахъ сїю добродѣтель! . . . . . Но увы! како тревожится вся моя утроба, когда я взираю на безмолвное въ пробожденномъ Авраамовомъ сердцѣ сокрытое, и на блѣдномъ лицѣ его по времени зримое страданїе! Навсегда Авраамъ побѣдоносцемъ являлся! сердце его крѣпостїю облечено и онъ подобно Серафиму Всевышнимъ вооруженному, съ неустрашимостїю ожидаетъ велѣнїй отъ провидѣнїя: онъ яко твердый камень, претерпѣвающїй пораженїе пламенныхъ стрѣлъ. Однако сердце мое отъ жалости содрагаетъ, и немогу воздержатися отъ слезъ, когда представляю себѣ горячность и отчаянїе Сарры, и мученїя, коими матернее ея сердце терзаться будетъ, слыша сїю злощастную вѣсть. Ахъ! еслибъ оная вѣчно отъ нее осталась утаенна! Какъ снесешъ ты сей разительный приговоръ, о нѣжнѣйшая матерь?

Нерастерзается ли печалїю твое сердце? смущенныя твои очи, къ небесамъ возведенныя небудутъ ли просити слезъ, коихъ они лишатся?... Но сокройтеся печальныя мысли! скорбь, которую вы раждаете, всѣ чувства мои объемлетъ. Ахъ! какую скорбь принесутъ онѣ Саррѣ, Саррѣ, коея горячность къ сыну, превосходитъ любовь нѣжнѣйшихъ матерей!.... Нѣтъ, первая жена, въ часъ, разрѣшенїя своего отъ бремени, неприжимала ко своему сердцу съ толикою горячностїю первенца непорочныя своея любви, какъ Сарра въ восторгѣ радости святаго сего отрока; она зрѣла на лицѣ его образъ юности своея, и благородную важность Авраама. Се нынѣ онъ единый есть предмѣтъ всѣхъ ея моленїй, съ утра мысли ея имъ упражнены и вечеръ постигаетъ ее погруженную въ сладкїя объ немъ размышленїя, коими она безпрестанно себя питаетъ. Часто среди прїятныхъ

сновидѣній, его обнимаетъ или въ мысляхъ представляетъ себѣ будущее его блаженство. Она уже видитъ его сидяща съ возлюбленною супругою, и окруженна чадами ему подобными. Часто зритъ она (хотя и во снѣ, однако и тогда сердце ея отъ радости трепещетъ) ходатая отъ Исаака произшедшаго, и во плоть ея облекшагося; она зритъ его, ему покланяется, и преисполненна радости именуетъ его спасителемъ и сыномъ своимъ орошая слезами стопы его. Увы! о Серафимъ! сей самый Исаакъ умретъ, вскорѣ Сарра узритъ или его послѣднее издыханіе испускающаго, или отца его обагреннаго кровію сына своего уже вспять возвращающагося. Зиждитель непрогнѣвается на насъ, за толикую чувствительность къ бѣдствіямъ и горестной скорби, коею премудрость судебъ искушаетъ великодушнѣйшаго изъ смертныхъ.

Умолкшу ему, другъ его отвѣтствовалъ тако: Сердце мое, о Сера-

фимъ, тронуто чувствительнымъ соболѣзнованїемъ, хотя Исаакъ и Сарра совсѣмъ мнѣ неизвѣстны; колико же твое сострадати долженствуетъ, когда ты исполняя уставы Всевышняго и покровомъ крылъ своихъ осѣняя безпорочную ихъ жизнь, неотлученъ отъ нихъ пребываешъ и наблюдаешъ всѣ дѣянїя и всѣ чувствованїя ихъ, достойныя обитателей небесныхъ. Но, о горнїй мой друже! божественная мысль, лучь надежды предвозвѣщаетъ мнѣ, что плачевное сїе дѣйствїе окончается радостнымъ зрѣлищемъ. Совѣты Превѣчнаго по истиннѣ неисповѣдимы предъ очами нашими; онъ единый вѣсть о томъ, что Божеству прилично, Серафимы того незнаютъ; и едва Онъ позволяетъ вѣрнѣйшему изъ Херувимовъ, возвести быстрый взоръ на трисвятое мѣсто, дабы узрѣть, на скрижалѣхъ судебъ таинства временъ грядущихъ. . . . Изъ сей глубины превѣчныхъ совѣтовъ упованїе

просіяваетъ; ибо ты вѣси, что благость Владыки нашего, есть безпредѣльна. Отъ самого сотворенія, содѣлать блаженными духи, было его любезнымъ предмѣтомъ. Тако возвѣстилъ онъ намъ о себѣ, въ то время, какъ мы выходя изъ творческихъ его дланей, окружать его начинали; таковымъ хощетъ онъ явити себя твореніямъ земнымъ и всѣмъ небесамъ. Воистинну, небесный другъ! Авраамъ, и чадолюбивая Сарра благости сей вскорѣ причастны будутъ, вскорѣ сокровенныя намѣренія провидѣнія ему откроются. Посѣщенія, кои Предвѣчный насылаетъ, во утѣхи наконецъ премѣняются. . . . Но я зрю въ солнцѣ призывающаго меня *Уріила*, и воспаряю къ нему. Ты же, коего свѣтъ земный еще сѣнію своею покрывати будетъ, буди свидѣтель сего великаго произшествія, да возвѣстиши мнѣ оное на небеси, въ нѣкое благопріятное время.

Тако онъ вѣщаетъ объемля Серафима и быстрый свой полетъ къ лучезарному свѣту устремляетъ; между тѣмъ Серафимъ облеченный свѣтоноснымъ облакомъ паритъ во срѣтенїе Исаака, подобно тихому зефиру и летаетъ вокругъ юноши спѣшащаго возвратитися ко отцу своему.

Погруженный во глубокїя размышленїя Авраамъ, еще прохаживался въ тѣняхъ рощи, духомъ паче къ Богу, нежели ко смертнымъ восхищаясь. Но вѣрный его рабъ, добродѣтельный *Елїазаръ*, коему поручено было смотрѣнїе за всѣмъ его домомъ, услышалъ отъ гонца, что Исаакъ недалеко отъ Арбы находится. Въ радости, *Елїазаръ* поспѣшаетъ возвѣстити о семъ владыкѣ своему. Онъ обрѣтаетъ его подъ сплетенными вѣтвїями древесъ сидяща, и съ восхищенїемъ вѣщаетъ ему:

Насталъ радостный день, о блаженнѣйшїй отецъ, день давно уже желаемый нами: Исаакъ идетъ испро-

сити благословенїе твое и пасти во объятїя Саррины. Гонецъ возвѣстилъ намъ скорое его пришествїе. Уже радостные гласы среди становъ и въ тѣняхъ окрестныхъ пальмовыхъ древесъ раздаются; уже соборище отроковъ, сопутниковъ Исааковыхъ увѣнчеваютъ главы свои соплетенными изъ цвѣтовъ вѣнками; прекраснѣйшїя отроковицы настроеваютъ златыя свои гусли, и спѣшатъ во срѣтенїе сына обѣтованїя, дабы сопроводить его при гласѣ Мусикїйскомъ. Но что вижу я, о отче вѣрныхъ? Лютая скорбь на свѣтломъ челѣ твоемъ зрится, ты внимая словамъ моимъ испускаешъ воздыханїя изъ глубины своего сердца. Въ наметахъ твоихъ радость на лицѣ каждаго обитаетъ, но твое лице оною неозаряется! Прости, что я дерзаю вопросити тебя о причинѣ сѣтованїя твоего: какая печаль можетъ имѣть толико силъ, чтобъ истребить ту радость, кото-

рую возвращенїе сего отрока, въ дому твоемъ изливаетъ.

Елїазаръ трепеща слышитъ сей отвѣтъ Авраама: Не уже ли рокъ смертныхъ мало тебѣ извѣстенъ, о Елїазаръ! что удивляешся, зря прискорбїе на челѣ моемъ въ то время, когда ты мнѣ радостнѣйшую вѣсть приносишъ? Ахъ! знай, что радость невсегда обитаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ ликованїя и пѣсни оную призываютъ. Богъ, по премудрому своему благоволенїю, опредѣляетъ каждому изъ человѣковъ, неравныя участи жизни, присоединяетъ всегда нѣсколько подкрѣпляющаго духа веселїя къ горестямъ нещастнѣйшихъ человѣковъ, и непрестанно возмущаетъ блаженство любезныхъ чадъ своихъ мрачными днями, и бурными нощами. Ахъ! когдабъ ты зналъ то, что противу воли моея распространяетъ печаль на лицѣ моемъ, ты самъ поощрялъ бы меня скорбь мою сносити!....

Я страшуся, о Авраамъ слышати причину оныя изъ устъ твоихъ. Однако какая бы она была? .... колико зримая въ очахъ твоихъ глубокая печаль меня ужасаетъ? .... чемъ щастїе твое помрачитися можетъ? Домъ твой, на которой Богъ изливаетъ благословенїе свое, не въ цвѣтущемъ ли состоянїи пребываетъ, Сарра здравствуетъ, сынъ твой, какъ вѣстникъ повѣдалъ намъ, возрастаетъ подобно масличному древу, орошаемому прохладнымъ воздуха растворенїемъ. Цѣломудрїе и непорочность, толико блистаютъ на благородномъ зракѣ юноши сего, что онъ всѣхъ зрящихъ его, сердца къ себѣ привлекаетъ. .... Я непостигаю, какая печаль тебя терзаетъ. .... Позволь рабу своему предъ тобою вѣщати: не объята ли душа твоя страхомъ или отъ сновидѣнїя, или отъ предусмотрѣнїя будущаго нещастїя, или непроизошелъ ли оной отъ подобнаго тому Ангела, который

показалъ тебѣ пылающій Содомъ? Да отвратитъ Владыка небесный отъ главы твоея грозящее тебѣ бѣдствіе, и да поразитъ онымъ враговъ своихъ.

Имѣя видъ исполненный благости, сей святый старецъ отвѣтствовалъ ему: вѣрность твоя и добросердечіе во всѣхъ дѣлахъ твоихъ являющіяся, давно уже приобрѣли тебѣ любовь въ сердцѣ моемъ, которую съ радостію и въ твоемъ оную обрѣсти желаетъ; днесь я тебѣ тайну онаго открою. Увы! должноль мнѣ отрещися отъ слабыя утѣхи, видѣть страданіемъ извлекаемыя изъ очей твоихъ слезы? И такъ познай судьбу мою. При восхожденіи солнца принося Всевышнему на святомъ холмѣ жертву, я зрѣлъ Господа явившагося мнѣ. Никогда онъ неявлялся очамъ земнородныхъ съ толикимъ сіяніемъ и съ таковою славою, Я созерцалъ его превознесенна на престолѣ поддерживаемомъ Херувимами. Онъ проходилъ сквозь тьмочисленныя

полки Ангеловъ сїяющихъ яко солнце и закрывающихъ лица свои лазоревыми крылами. Безъ сомнѣнїя какой нибудь небесный духъ подкрѣпилъ очи мои, дабы возмогъ я снести сїянїе сего небеснаго зрѣлища. Онъ воззвалъ меня по имени моему, самъ онъ воззвалъ меня и повелѣлъ взять Исаака возлюбленнаго моего, и вести его въ Морїю, и тамо на одномъ изъ холмовъ, заклати его на жертву. Заутра, о другъ мой! при первыхъ лучахъ утреннїя зари востану я и исполню надъ сыномъ моимъ велѣнїе Божїе....

Елїазаръ, при каждомъ словѣ пораженъ будучи страхомъ и ужасомъ, выслушавъ строгое повелѣнїе Божїе, и благоговѣйное повиновенїе Патрїарха, немогъ воздержаться, чтобъ не изъявить скорби своея; токи горькихъ слезъ оросили его ланиты. Онъ любилъ отца, но еще паче любилъ сына; ибо отъ юнѣйшихъ лѣтъ Исаакъ былъ ввѣренъ его попеченїю. Цѣлому-

дренная лѣпота отрока, въ юнѣйшіе дни свои приемлющаго поученія въ добродѣтели, стремительное желаніе почерпать изъ устъ старца сего правила мудрости, которыя онъ старался изъяснять или въ поучительныхъ притчахъ, или въ вымыслахъ стихотворческихъ и всѣ любви достойныя качества, кои онъ обрѣталъ во Исаакѣ, такую къ нему любовь въ сердцѣ его воспламенили, какой онъ нечувствовалъ бы и къ собственному своему сыну. Сего то ради сердце его толико терзалося въ сію минуту: чистосердечная его печаль видимая на лицѣ его преклоняла каждаго на жалость. Авраамъ зрѣлъ скорбь сію, но спокойствіе души его ни мало неизмѣнилось.

Что слышу я! тако вопія изъявлялъ *Еліазаръ* страданіе души своея: что вѣщаешъ ты мнѣ!.... Отецъ нещастный!.... Сынъ злополучный!... Онъ умретъ!...Отъ руки отца сво-

его, отъ руки человѣка родившаго его! и Господь сотворить сїе повелѣваетъ, самъ Господь ниспославый на землю Ангеловъ возвѣстити зачатїе его! Господь, чрезъ начальники ихъ избравый Сарру, щастливою матерїю, сына обѣтованїя! Самъ тотъ, кто явилъ намъ въ тебѣ, о святый отрокъ! великое обѣтованїе, Бога Мессїю, спасенїе мїра. Сей Богъ тебя заклати повелѣваетъ! дни возлюбленнаго моего прекратятся! живыя и прїятныя очи его небудутъ уже болѣе устремлятися на меня, изъявляя горячность сыновнюю. Увы! въ прохладные вечера, небуду я уже болѣе съ нимъ бесѣдовать о добродѣтели Патрїарховъ, и о ихъ божественномъ упованїи. И такъ тщетно воспламененная священною любовїю Сарра, прижимала тебя къ матернему своему сердцу, и воздавая славу Господеви, орошала тебя слезами радости! Увы! такъ тщещно

и Еліазаръ восхвалялъ тебя въ священныхъ пѣсняхъ, на согласныхъ струнахъ гуслей отцевъ нашихъ, дабы напечатлѣть на скрыжалѣхъ нѣжнаго твоего сердца, святыя правила добродѣтели! Исчезла надежда, зрѣть тебя когда нибудь подпорою дряхлой старости моей, и жизнь твою подобную жизни Ангеловъ, утѣшеніемъ померцающихъ очей моихъ! Ты исчезаешъ, сладкая надежда! подобно облакамъ утреннимъ, подобно тщетному воплю родителя лишивщагося своего сына, терзающа власы свои надъ гробомъ его. Ахъ! коль жестоко участь твоя тревожитъ сердце мое, участь твоя, о родитель досѣлѣ щастіемъ наслаждавшійся, а днесь всего лишенный, лишенный всякія надежды, подобно кедру сокрушенному! .... Но прости, о Владыко небесъ, прости сіе законопреступное сѣтованіе, если токмо оплакивать судьбу Исаака беззаконіемъ почесть можно! .... Како со-

дрогаются кости мои! Онъ умретъ, наслѣдникъ перваго обѣтованія! и глаголъ Предвѣчнаго съ нимъ же прейдетъ? Но увы! не ужели раскается онъ о томъ, что восхотѣлъ быти спасителемъ нашимъ? Возможно ли, чтобъ земля, которую въ первыхъ восторгахъ радости моея, уже зрѣлъ я освященною стопами Богочеловѣка, нашего Ходатая, кою видѣлъ я обагренную его кровїю и исполненную вѣры и истинны хранителями. . . . . Возможно ли, чтобъ оставленная и покрытая вѣчными мраками, пребыла она навсегда обиталищемъ мятежниковъ и злодѣевъ? Увы, что воспослѣдуетъ съ нами, что воспослѣдуетъ съ грядущимъ потомствомъ нашимъ? Возобновленная земли весна пребудетъ ли суетнымъ мечтанїемъ, весна, которую въ пророческомъ сновидѣнїи явилъ мнѣ Ангелъ! Нѣтъ, словеса Божїи неподвижнѣе высокихъ горъ и непоколебимѣе мїровъ! Уже онъ изрекъ! по что же повелѣ-

вастъ тебѣ заклати на жертву того, кто избранъ исполнити? По что хощетъ онъ, чтобъ ты заклалъ отца великаго Мессіи? Здѣсь умъ мой мятется и погружается во тракъ седмерицею усугубленный! О Авраамъ! еслибъ ты неимѣлъ толь ясныхъ доказательствъ, что Господь тебѣ явился, то немогъ бы я повѣрить сему грозному велѣнію.

Тако вѣщалъ *Еліазаръ*, и хотѣлъ еще продолжать сѣтованія свои, но Божественная добродѣтель Авраамова прервала оныя тако:

Еліазаръ, я со дружествомъ внималъ роптаніямъ отъ горячности твоей произтекающимъ, и ахъ! могу ли я видѣть безъ страданія орошаемый зракъ твой слезами для Исаака? Однако слышать роптанія, кои прискорбная душа твоя противу небесъ произносити дерзаетъ, да премѣнятъ они уставы свои, слышать сомнѣніе и недовѣрчивость изъ устъ твоихъ исходящіе!

о! другъ мой, се единое терзаетъ душу мою, и терзаетъ ее паче нежели собственная скорбь моя. Но Богъ зритъ правоту сердца твоего, и онъ проститъ тебя: неогорчайся до чрезмѣрности, о! другъ мой смущенїемъ души моея! хотя она страждетъ, но Господь вѣсть причину и мѣру страданїя ея. Печаль отъ Господа ниспосылаемая, долженствуетъ быти человѣку прїятнѣе всѣхъ веселїй, кои онъ самъ обрѣтаетъ. Я съ радостїю повинуюся тому, коему небеса со страхомъ покаряются. Я со благоговѣнїемъ сношу страданїе и пребываю безмолвенъ!... Но если смерть Исаака, въ коемъ ты безъ сомнѣнїя лишаешся веселїя и подпоры старости своея, толико тебя сокрушаетъ, то да утѣшится сердце твое зря собственную скорбь мою. Увы! кому утрата сїя толико какъ мнѣ, чувствительна быти можетъ? Кто лишается толь прїятнаго и толь сладостнаго зрѣлища?

для кого оное незапно претворяется во мракъ сѣни смертныя? Не тщетная надежда обавающая суетныя очи, непустыя желанія яко прахъ отъ дуновенія предвѣчнаго развѣвающійся, днесь отъ очей моихъ исчезаетъ. Нѣтъ, самъ Саваоѳъ обѣщалъ оныя исполнить; часто я бесѣдовалъ о нихъ съ Серафимами, и сіи желанія были самыя усерднѣйшія нашихъ святыхъ Патріарховъ. Но тотъ, коего благость мнѣ оныя даровала, тотъ самый и лишаетъ меня оныхъ.... Правда, что мое родительское сердце поражено симъ ужаснымъ ударомъ, однако оно безъ роптанія повинуется, и со благоговѣніемъ признаетъ власть Всевышняго!.... и неимѣетъ ли онъ права поступать съ созданіемъ своимъ какъ угодно пресвятой его волѣ? и кто можетъ вопросити его, что творитъ онъ? Какое безуміе, какое дерзновеніе, для слабой твари, для червя, для цвѣтка увядающаго, желать по-

стигнуть премудрые Божїе совѣты? Изъ стяжаемаго нами, имѣемъ ли мы что нибудь собственное? Менѣе же всего принадлежитъ кровь, которую оживляетъ въ насъ благословенїе превѣчнаго. Но Исаакъ еще менѣе мнѣ принадлежитъ: Господь мнѣ его далъ? Тотъ, который сокровенными судьбами ниспослалъ мнѣ его, тотъ самый у меня паки его отъемлетъ. Но какъ отъемлетъ? Онъ повелѣваетъ, да самъ я принесу его на жертву Господеви! Рука родителя менѣе ли принадлежитъ Создателю, какъ и рука чуждаго? И такъ хотя она и воспрещаетъ, хотя и воспротивится, однако сїя рука послушна пребудетъ Сотворшему ее..... О! нѣжное имя родителя, столь прїятное слуху, столь сладостное сердцу! когда любезные чада обнимая нашу выю тебя произносятъ, тогда тлѣнными узами человѣческими ко смертнымъ, ко тварямъ персти ты насъ привязуешъ;

когда рекъ Зиждитель міра, тогда должно тебѣ умолкнути! тогда рука приобыкшая ласкать нѣжныя ланиты младенца, должна подъятися на закланіе сего же самого младенца. Се тако страхъ Божій, тако премудрость мнѣ вѣщаетъ, и я съ веселіемъ внимаю гласу ея! Сіе часто вѣщала она отцемъ нашимъ; они также страдали, но днесь на главы ихъ вѣнцы возложены. Ты же, несѣтуй о томъ, како Господь исполнитъ обѣтованіе свое. Неисчетныя, и самымъ Ангеламъ несвѣдомыя пути открываются Предвѣчному къ совершенію намѣреній его. Да успокоится смятенное твое сердце, и да премѣнится печаль твоя на благочестивое надѣяніе. Остави меня нынѣ, и храни во глубинѣ сердца своего печальную мною тебѣ ввѣренную тайну, да неявится оная на челѣ твоемъ: пускай юноши и младыя дѣвы сопровождаютъ Исаака съ радостными плясаніями, пускай гласъ радостныхъ

пѣсней ихъ раздается повсюду. Тако вѣщалъ отецъ вѣрныхъ. *Еліазаръ* отходитъ со глубокимъ молчаніемъ; но сердце его снѣдаемо было лютѣйшею скорбію, хотя онъ и чувствовалъ въ себѣ благодушіе Патріарха. Кто тебя неощущаетъ, о! небесная добродѣтель, Божествомъ воспламеняемая искра священнаго огня, коимъ озаряются Сераѳимы? Кто невозлюбитъ тебя, когда ты являешся сіяюща красотою небесною? Ты намъ и тогда любезна, когда насъ караешъ. Горестная печаль и богопротивное стенаніе тайно ропщущее на всесильное провидѣніе узрѣвъ тебя умолкаетъ, и бѣгаетъ свѣта, коимъ ты озаряешъ души возлюбленныхъ твоихъ. Укрѣпленный тобою Авраамъ съ непобѣдимою твердостію духа снесъ жесточайшее мученіе. Таково было преславное мужество Архангела Михаила, когда вооруженный силою Божества и одолѣвающій супоста-

товъ, явился онъ на мѣстѣ ополченія во странахъ небесныхъ среди полчищъ бунтующихъ духовъ, и когда подобно несокрушимому мармору, безбоязненно отражалъ удары враговъ Бога своего.

Авраамъ осѣняемый тѣнями священныя сея дубравы, продолжалъ еще прохаживатися во оной. Множество размышленій упражняли его сердце, но добродѣтель всегда оставалась побѣдоносною, добродѣтель отъ Всевышняго съ превыспреннихъ небесъ, гдѣ она Серафимами почитается, смертнымъ ниспосылаемая, добродѣтель господствующая сама надъ собою, и добровольно служащая Божеству: между размышленіями колеблющими тревожущуюся его душу, иные представляютъ ему Сарру, нѣжную матерь юности, возвѣстить ли ей велѣніе Божіе прежде исполненія онаго или таить; о семъ онъ сперьва помышлялъ больше всего. Правда, что сердце его

трепетало, когда онъ воображалъ чрезмѣрную скорбь, какою она терзатися будетъ, но менѣе ли поразитъ ее сей жестокій ударъ, и менѣе ли она будетъ сокрушатися услыша сіе повеленіе по исполненіи онаго; можетъ быть матернее ея сердце обрящетъ еще сладостное утѣшеніе, когда предъ любезнѣйшимъ своимъ сыномъ проливати будетъ горестнѣйшую печаль свою!.... Но нѣтъ, вѣщалъ онъ самъ себѣ, какое мое заблужденіе? ея нѣжное сердце невозможетъ снести сея плачевныя разлуки! Нѣжнѣйшая матерь! она умретъ во обьятіяхъ отрока, она неперенесетъ сего горестнаго разлученія! Коль скоро узритъ дражайшія его очи, чистѣйшую его невинность, то душа ея пребудетъ прискорбна до смерти. Какъ могу я исторгнуть его изъ обьятій слезящея матери? Увы! какъ я возмогу?...Самъ отрокъ падетъ отъ поражающихъ его злополучій. Правда, что непорочная

душа его воспламененная горячимъ усердїемъ ко святой добродѣтели, ревнуетъ исполнять по ней самымъ дѣломъ; но какъ онъ возможетъ зрѣть отчаянїе любезнѣйшїя и достойнѣйшїя матери, и неумереть отъ скорби? Со трудомъ и я оную премогаю. И такъ я единый буду сносить бремя тоски моея и я ненарушу веселїя, радостнаго дня сего. Да насладится Сарра въ сїи послѣднїе часы восхищенїемъ быти матерїю во всемъ онаго совершенствѣ. Но когда уже прейдетъ время сокрывать сїю тайну, тогда, о! Творче примилосердый, подкрѣпи ея восколеблющуюся бодрость, да не снидетъ она отъ печали во гробъ.

Вѣщая тако возвращается онъ вспять во свое жилище. Спокойствїе начерталось на лицѣ его, но сердце его неизреченнымъ мученїемъ терзалось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Между тѣмъ полдень ниспускается на землю во всемъ блистанiи своемъ, и ведетъ за собою часы толь страстно Саррою вожделѣваемые. Исаакъ сопровождаемый рабами дома Нахорова, подходитъ къ дому отца своего. Други его, прекрасное соборище юношей обоего пола, вышли ему во срѣтенiе, и прiяли его съ радостными восторгами и согласными пѣснями на вершинѣ одного холма, съ коего въ веселiи обозрѣвалъ онъ прекрасныя Маврiйскiя долины. Тамо сошелъ онъ съ велблюда своего и палъ во объятiя Азаеля, любезнѣйшаго друга своего, по томъ обнялъ онъ Авеля, Дедана и Карма, любезныхъ юношей въ дому Авраамовомъ рожденныхъ. Но сердце его поспѣшать ему повелѣваетъ; зрѣлище друговъ его усугубляетъ въ немъ спремительное жела-

ніе облобызати ланиты Сарры и припасти къ колѣнамъ Авраамовымъ. Сидяще подъ высокимъ кипарисомъ простирающимъ сѣнолиственныя вѣтви на всю храмину ихъ, оба они его ожидаютъ, но съ чувствованіями весьма различными. О! колико рвется юноши сего сердце онъ стремится во объятія Сарры: она пріемлетъ его со всею матернею горячностію, лобзаетъ его стократно, прижимаетъ ко своему отъ радости трепещущему сердцу. Тако нѣжная супруга обымаетъ возлюбленнаго своего, зря его грядуща изъ тѣхъ далекихъ странъ, въ коихъ велѣніемъ судьбы проводилъ онъ седьмь лѣтъ къ тоскѣ и скукѣ. Провидѣніе возвращаетъ его достойна ея нѣжности, и блаженнѣйшія дни жизни ея, награда ея упованія, съ нимъ купно возобновляются; она спѣшитъ во срѣтеніе ему, объемлетъ руками своими выю его, и въ восторгѣ радости сво-

ся пребываетъ безмолвна: таково было чувствїе нѣжности, которое матерь Исаакова ощущала въ душѣ своей, держа его въ своихъ объятїяхъ и орошая его слезами радости, но она немогла предъ нимъ вѣщати; чувствительное ея сердце было преисполнено веселїя и имѣло нужду излїятися. Авраамъ былъ свидѣтелемъ сего разительнаго зрѣлища. Бодрствующая душа его немогла противитися непреодолимому естеству; онъ возводитъ очи свои къ небесамъ, и токи слезъ по ланитамъ его протекаютъ... Тогда сей юноша тихо оставя матерь свою, падаетъ ко стопамъ старца, и обымая колѣна его, вопїетъ: благослови меня, о отче мой!... да восхвалится трекратно Богъ Авраамовъ. Ахъ! я паки зрю лице твое преклоняющееся ко мнѣ со всею отеческою горячностїю. Тако вѣщаетъ онъ: Авраамъ, коему имя отца никогда небыло столь любезно и столь страш-

но, объятъ ужасомъ смѣшеннымъ съ радостїю и скорбїю. Но подкрѣпленный будучи духомъ Божїимъ, вѣщаетъ онъ сїи слова благословенїя.

Буди благословенъ сыне мой, буди благословенно чадо Божественныхъ обѣтованїй! да благословитъ избравый тебя Господь, яко чадолюбивый отецъ! да ниспослетъ тебѣ съ высоты своея, что благоугодно предъ очами его.

Сарра видитъ появляющїяся слезы во очахъ Авраамовыхъ, но слезы не отъ радости проистекающїя; она примѣчаетъ на лицѣ его сокровенное страданїе душевное; но радость ея столь велика, что она неможетъ никакого злополучїя опасатися. Однако образъ сей на скрыжалѣхъ сердца ея начертавается. Исаакъ возвращается еще ко своей матерѣ, она паки объемлетъ его съ таковою же горячностїю, съ каковою обнимала во время пришествїя его. Источники ра-

дости, коею исполнено сердце ея, протекая чрезъ всѣ жилы, во уста изливаются въ словесахъ нѣжнѣйшихъ: тако изъявляется непорочность, тако выражается любовь естественная. Серафимъ, небесный хранитель Исаака, простираетъ свои крылія на святое сіе сѣмейство, и устремляетъ нѣжные свои взоры то на Авраама, то на Сарру, коея возобновленная красота блистаетъ подобно вечерней багряницѣ во время яснаго зимняго дня.

Между тѣмъ радость водворялась въ хижинахъ далеко простирающихся; звуки гуслей и гласы пѣнія слышатся подъ пальмами и въ сѣняхъ, и раздаются окрестъ возвышеннаго намета сего божественнаго Патріарха. Во внутренности онаго находилася гора алевастроваго камня, въ которомъ изсѣчена была пещера, среди коей устроена купель воды здравой и прохладной. Два раба повели во оную Исаака, и омывъ

ноги его, всѣ члены помазали благоуханїями и отерли оные тонкими лентїями. Коль скоро онъ вышелъ изъ купели, тотчасъ облекли его въ одежду тончайшую и бѣлую яко снѣгъ, и препоясали стройной его станъ, златотканнымъ поясомъ. Тако украшенный восходитъ онъ во скинїю въ видѣ любезныя юности. Подобно прїятная весна, протекая исполненныя благоуханїемъ воздушныя страны, низпускается въ долины розами изпещренныя; златые часы окрестъ ее ликовствуютъ; изобилїе летаетъ острану ее, изобилїе, которое изъ неистощимаго своего рога, подобно росѣ сыплетъ плодородїе прїятности и забавы на злачныя поля. Авраамъ зритъ въ сынѣ своемъ лѣпоту божественныя Сарры: тако румянецъ юности покрываетъ его ланиты бѣлизною кринамъ подобящеюся; тако очи его взирающихъ на него восхищаютъ; тако возноситъ онъ чело свое.

Сарра видитъ въ нѣжномъ лиценачертанiи юноши сего величественный видъ, коимъ украшенъ былъ Авраамъ во дни младости своея; тотъ же небесный духъ блисталъ во очахъ его; тоже неустрашимое мужество возвышало черты его изображающiе его душу: тако зрѣли они себя во Исаакѣ, и сугубо въ немъ себя любили. Но между тѣмъ какъ Авраамъ созерцалъ сына своего, бiенiе скорбящаго его сердца умножалося, и онъ едва могъ воздержати слезные токи.

Се настаетъ часъ умѣренныя, но благословенныя трапезы. Младыя отроковицы нѣжно препоясанныя, поставляютъ на столъ простыя яствы, и воду чистую яко кристаллъ. Природа многаго нетребуетъ, и истинныя веселiя не отъ излишества проистекаютъ. По окончанiи трапезы, Сарра нѣжно устремляя взоръ свой на Исаака, тако вѣщаетъ ему: днесь, о! сыне мой,

первое желанїе паки зрѣть тебя, уже удовлетворено, новое еще возраждается въ сердцѣ моемъ желанїе знать, какъ обрѣтаются любезныя мои родственники. Повѣждь мнѣ о Мелхѣ, вѣрной другини юности моея, возвѣсти о чадахъ рожденныхъ ею Нахору, и о дщерѣ Ваѳуелевой! но паче всего вѣщай мнѣ, како далече отъ очей моихъ въ землѣ Харанской, проводилъ ты время?....Исаакъ преклоняется на изволенїе своея матери. Тотъ часъ посребренная лютна умолкаетъ, младыя дѣвы прерываютъ пѣсни, коими они увеселяли трапезу. Тимна, любезная Саррина рабыня, зерцало всѣхъ прїятностей, воспѣвала радость друговъ по долговременной разлукѣ паки себя узрѣвшихъ, и сладости сердецъ соединяющихся послѣ давно продолжающейся и самимъ имъ неизвѣстной любви; такожде воспѣвала она прекрасныхъ дщерей Сифовыхъ, сыновъ Ноевыхъ, кои одни

тогда населяли землю. Но ты умолкаешъ, коль Исаакъ приклонился на прошенїе Сарры и жаждущїе твои очи устремляешъ на очи юноши сего, ты оставляешъ лютну свою, коль скоро онъ разверзъ уста свои. Вся бесѣда умолкаетъ. По лѣвую страну Авраама сидитъ *Елеазаръ*, а по правую у Сарры Гетура, наперстница ея. Близь Исаака зрѣлся младый Азаелъ, который наиболѣе уподоблялся ему лѣпотою души своея.

Какъ во время прїятнаго вечера спутникъ весны, громогласный соловей возбуждаетъ яко отъ сна сладкимъ своимъ пѣнїемъ дремучїе дубравы; тогда листвїя древесъ повсюду умолкаютъ, вечернїе Зефиры удерживаютъ нѣжное дыханїе свое, и пѣснопѣвцы лѣсные собравшись на окольныя вѣтвїя протягиваютъ выи свои и преклоняютъ слухъ ко вниманїю: подобно сему была сладость бѣсѣды юноши сего; таково было вниманїе

окрестъ его сидящихъ и съ нетерпѣливостію желающихъ слушати его, и онъ тако началъ.

Благословенный домъ Нахоровъ, куда проводилъ меня Ваѳуель, скоро сталъ для меня второю Мамврикіею. Горячность Мельхи тщившейся заступить во мнѣ мѣсто матери, вскорѣ возвратила радость моему сердцу. Часто въ сладостномъ забвеніи отъ лобзаній ея, чаялъ я плакати во объятіяхъ рождшей меня, и въ сонныхъ видѣніяхъ Ангелъ снисходилъ съ небеcъ утѣшати меня; онъ увѣрялъ, что Всевышній на меня призираетъ и благословитъ узрѣти паки домъ отца моего. Тако сердце мое паки начало наслаждатися сладкимъ миромъ, благорастворенным воздухомъ тоя страны и пріятнымъ дружествомъ, никакой скорби небудучи причастно. Скромнымъ веселіемъ сопутствуемые часы подобно любезнымъ братіямъ находили меня окруженна друзьями. Иногда со сверстниками мо-

ими обтекалъ я окружающїя Хараанъ холмы, рвалъ тамо цвѣтки и примѣчалъ, какъ естество оные расположило; иногда же сидя у ногъ Нахоровыхъ внималъ я повѣствованїямъ о нравахъ и премудрости Патрїарховъ, како они вели жизнь свою по стезямъ Господнимъ, и како бесѣдовали съ Богомъ и Ангелами его. Прїятныя уста Нахоровы источаютъ строгую премудрость. Время протекающее во слушанїи его кажется мгновенїемъ единымъ. Въ Харанѣ такожде видѣлъ я раждающїяся творенїя разума и подражательнаго художества; мужи сея земли изъ самаго твердаго мрамора воздвигаютъ Ироевъ и Патрїарховъ, коихъ исполненное живности изображенїе, кажется оживотвореннымъ. Тамо зрѣлъ я святыхъ Праотцевъ нашихъ: видъ ихъ начертавалъ почтенїе въ сердцахъ всѣхъ зрителей. Изъ крушцевъ изваиваютъ кумиры и поставляютъ оные на подножїи; пѣнїе, любезное

пѣніе, лучшее изъ всѣхъ искуствъ человѣческихъ, также въ Харанской землѣ процвѣтаетъ. Пастушки наполняютъ рощи сладостными своими пѣснями. Но дщерь Ваѳуеля, прекрасная Ревека превосходитъ въ пѣніи всѣхъ сверстницъ своихъ. Гласъ ея сладокъ и восхитителенъ. Когда она на злачныя луга пригоняла стада свои, то купно и пріятности весны съ собою туда приводила; а когда обращала на меня прелестной свой взоръ, то небесною радостію исполнялося сердце мое и отъ сладости яко бы истаевало. Увы! по что Превѣчный недаровалъ мнѣ сестры! Ахъ! колико бы она была для меня любезна! и еслибъ сестра моя была Ревека, то съ каковою бы я любилъ ее горячностію! Конечно мы родственники; ибо мы любили другъ друга какъ единоутробные; Мельха же любила насъ яко чадъ своихъ. Часто, когда мы всѣ трое подъ тѣнію листвіевъ си-

дѣли, Ревека воспѣвала на струнахъ златыя лиры красоту невинности; я внималъ ее со устремленными на прекрасное лице ея очами, и проливалъ отъ горячности произтекающія слезы, обнималъ сестру свою, а Мелха обѣихъ насъ лобызала. Тогда я чувствовалъ, что сердце мое возвышается; новыя мысли столь же непорочныя какъ и Ревека, возносили меня на крилахъ своихъ ко престолу выспреннему. О! коль любезна являлась мнѣ тогда добродѣтель, и коль легко казалось, шествовать во слѣдъ стопамъ ея! Добродѣтель всегда была мнѣ любезна, но я возлюбилъ ее еще болѣе съ того времени, какъ въ Ревекѣ узрѣлъ явной образъ оныя. Повѣждь мнѣ, о матерь моя! ты любила братьевъ и сестръ своихъ: не природная ли склонность приводитъ въ движеніе сердца наши, когда мы зримъ другъ друга? Однажды гуляя въ рощѣ, когда приклонилъ я ухо свое ко гласу соловья,

почувствовалъ въ сердцѣ сладостную склонность итти во извѣстныя мнѣ мѣста. Я туда пошелъ и обрѣлъ тамо Ревеку пасущую свое стадо. Ахъ! съ какимъ веселїемъ время при ней протекаетъ; прїятный звукъ ея гласа исходитъ изъ румяныхъ устъ ея. Никогда она непреставала слушать расказываемыя мною повѣсти, повѣданныя мнѣ *Елїазаромъ* и и блаженнымъ отцемъ моимъ; никогда непреставалъ я внимать священнымъ ея пѣснямъ, коимъ она изучилась отъ превосходнаго сладкопѣвца Авїасафа. Иска, сестра Мелхина, супруга въ Харанѣ обитающаго Кенаса, родила только его единаго. При рожденїи его, Муза, дщерь небесная, прижавъ его къ персямъ своимъ, наименовала пѣснопѣвцемъ страны сея. Едва Авїасафъ достигъ только осьмагонадесять лѣта, уже воспѣваетъ пѣсни и мудрыхъ старцевъ увеселяющїя. Предводительствующу ему юноше-

ствомъ земли сея, каждой изъ пастырей старается заслужити хвалу его: но онъ единую только воспѣваетъ добродѣтель, и единую невинность благостїю именуетъ. Въ землѣ Харанской Авїасафъ былъ любезнѣйшимъ моимъ другомъ. Хотя нѣсколькими лѣтами онъ меня и превосходилъ, хотя и былъ больше меня одаренъ разумомъ; однако сердца наши сопряжены были едиными склонностями, единою любовїю къ добродѣтели и единымъ къ лѣпотѣ вкусомъ. Во время прохладныхъ вечеровъ, о! дражайшая матерь, услышишъ ты пѣсни его: онъ меня научилъ имъ, а я научу Тимну. Какїя прїятности вкушалъ я отъ дружества съ Ревекою и Авїасафомъ! Како бы я возмогъ разлучитися съ ними, если бы неимѣлъ столь чадолюбиваго отца и матери столь много пекущейся заступити во мнѣ мѣсто Ревеки и Авїасафа! Тако протекали дни мои въ плодоносныхъ поляхъ Харанскихъ.

Такова была повѣсть Исаакова: къ сему онъ еще присовокупилъ и о всемъ, что происходило до того времени, какъ онъ прощался со Нахоромъ и Авїасафомъ, съ Мелхою и Ревекою. При семъ воспоминанїи, почувствовалъ онъ все, что ощущалъ разлучаясь съ ними: словеса во устахъ его пресѣкаются, лице его орошается слезами, и Сарра лобзанїями своими оныя ощущаетъ. Оживленные матернею любовїю Саррины взоры устремлены были на очи сына ея. Вскорѣ по томъ воздала она благодаренїе Владыкѣ небесъ, который храня непреложно обѣты данныя Аврааму, милостиво на Исаака призираетъ, и открываетъ уже ему грядущее блаженство. Во все сїе время очи окрестъ сидящихъ, безпрестанно устремлены были на уста сего юноши; всѣ со вниманїемъ преклоняютъ къ нему слухъ свой, единый только Авраамъ пребываетъ еще погруженъ въ глубо-

кой задумчивости. Между тѣмъ одинъ изъ рабовъ пришедъ къ нему вѣщаетъ, что нѣкіе чужестранцы съ четырмя верблюдами вступили во дворъ его; онъ объявляетъ ему, что между ими находится одинъ цвѣтущихъ лѣтъ и благороднаго вида, а при немъ почтенной старецъ держитъ любезное отроча на своихъ колѣнахъ, и рабы слагаютъ со скота Аравійскія сокровища, состоящія во Ѳиміянѣ, Смирнѣ и Ароматахъ собранныхъ на благовонныхъ горахъ Гилеадскихъ. Авраамъ послѣдуемый Елеазаромъ выходитъ дружественно пріяти сихъ пришельцовъ и просити ихъ въ сѣнь свою. Но какимъ онъ исполненъ былъ удивленіемъ, когда въ лицѣ чужестранца узрѣлъ Измаила, сына Агары Египтяныни! Измаилъ повергается ко стопамъ отца своего и обемля колѣна проситъ его благословенія. Буди благословенъ, о! сыне мой, Авраамъ ему вѣщаетъ:

въ тебѣ познаю я самъ себя! я съ радостїю зрю добродѣтель начертанную въ лицѣ твоемъ; прїятно мнѣ благоуханїе одежды твоея, благоуханїе столь же сладостное какъ благовонїе полей Господнихъ. Прїйди, сынъ мой возлюбленный, прїйди и возвѣсти намъ чудеса творимыя Богомъ для Измаила, для корене Авраамова. Но вѣщай, кто есть любезное отроча, коего старецъ сей держитъ на лонѣ своемъ? Черты лица его, твоимъ подобны. Измаилъ прїялъ сего младенца и повелѣвъ ему приклонити колѣна свои съ нѣжною покорностїю, возопилъ: о! отче мой, благослови Наваїѳа, первенца моего, дарованнаго мнѣ Богомъ въ землѣ Фаранской. Принужденъ будучи ити во страну Гилеадскую взялъ его съ собою, да воспрїиметъ отъ тебя благословенїе. Позволь, о! отче мой, пребыти ему съ тобою до возвращенїя моего. Авраамъ воспрїявъ на руки младенца, лобзаетъ

его и возведши очи свои на небо возсылаетъ о немъ горячїя мольбы. Потомъ приглашаетъ сына своего слѣдовать за собою въ сѣнь, а *Елїазаръ* велитъ нести въ оную дары Исмаиловы.

Авраамъ представляетъ Саррѣ и возлюбленному своему сыну, Исмаила и любезное его отроча. Коль скоро Исаакъ узрѣлъ брата своего, сердце его отъ радости вострепетало, и прежде нежели Сарра сдѣлала ему привѣтствїе, съ горячностїю стремится въ его объятїя. Какъ по долговременной разлукѣ два единоутробныя братья, два близнеца одними сосцами воспитанные, обнимаются проливая радостныя слезы, тако они держали другъ друга во объятїяхъ. Зрѣлище ихъ чистосердечныя дружбы подвигло Саррино сердце: исполненная матернїя горячности, обымаетъ она брата Исаакова и съ нѣжностїю устремляетъ на него взоръ свой; но съ большею

еще горячностїю идетъ она облобызати юнаго Наваїоѳа, которой веселымъ и невиннымъ образомъ яко бы зря матерь свою, простираетъ къ ней нѣжныя свои руки. По томъ возлегли они на ковры багряныя. Измаилъ на вопросъ отца своего, повѣдалъ ему, како Господь приялъ его подъ кровъ свой; како въ Верзавской пустынѣ, гдѣ онъ чаялъ умрети, сохранилъ его чрезъ Архангела; како прежде сего будучи ловцемъ, обиталъ онъ во степяхъ Фаранскихъ, во удолїяхъ пальмами покрытыхъ; како потомъ отъѣхавъ во Египетъ поялъ жену, которая слѣдовала за нимъ во Фаранъ съ великимъ богатствомъ состоящимъ въ верблюдахъ, юнцахъ и овцахъ; какъ пришелъ въ союзъ съ нагорными обитателями, кои его избрали своимъ начальникомъ для защищенїя ихъ отъ набѣговъ Зина и Сафера; како на цвѣтущихъ долинахъ Римма воздвигъ онъ олтарь Господу

Адонаю, и подъ тѣнями финиковыхъ древесъ раскинулъ свой богатой станъ.

Тако повѣдалъ онъ пути Господни и исполненiе обѣта даннаго матерѣ его небеснымъ вѣстникомъ въ пустынѣ. Въ сей прiятной бесѣдѣ постигъ ихъ вечеръ. Между тѣмъ страданiе болѣе прежняго подобно облаку, распространялось на челѣ почтеннаго старца. Принужденъ будучи прекратить радость въ дому его царствующую. О! Сарра, и вы любезныя мои чада, вѣщалъ онъ, се нынѣ возвращаетъ мнѣ Господь двухъ сыновей моихъ. Исаакъ, даръ обѣтованiя, возлюбленный мой днесь прибылъ изъ земли Харанскiя, сугубо украшенный добродѣтелiю и лѣпотою; въ сей же самый день и ты, о! Измаилъ, наперстникъ провидѣнiя, приходишъ въ объятiя мои, днесь ты еще любезнѣе сердцу моему, нежели когда сновидѣнiе возвѣстило мнѣ, что Господь избралъ тебѣ обиталище во иной

странѣ. Но хотя душа моя сладчайшее вкушала бы удовольствіе пребывая съ вами, однако она должна повиноваться веленїю Всевышняго. Сего утра явился мнѣ Господь, и повелѣлъ мнѣ итти въ Морїю и тамо на единомъ отъ него мнѣ указанномъ холмѣ, принести во всесожженїе благоугодную ему жертву. Заутра при восхожденїи денницы долженъ Исаакъ слѣдовать за мною. Человѣкъ по истиннѣ долженъ со тщанїемъ исполнять волю Господню; ибо и самый Серафимъ непрестанно его созерцающїй, и который разнося повелѣнїя Превѣчнаго протекаетъ небеса яко лучь солнечный, исполняетъ неукоснительно и малѣйшее его мановенїе. О! Сарра, да насладятся очи твои зря Исаака, доколѣ еще возможно; но по томъ, да будетъ тебѣ Наваїоѳъ утѣшенїемъ въ тоскѣ отсутствїемъ его тебѣ наносимый.

Вѣщающу ему тако, Сарра веселымъ видомъ отвѣтствуетъ ему:

твори, что повелѣлъ тебѣ Саваоѳъ; повеленїе его укрощаетъ страстнѣйшїя желанїя сердца моего. Нѣтъ, очи мои ни единой капли слезъ непролїютъ! очи увидѣвшїе возвратившагося Исаака, зрѣвшїе ознаменованные слѣды благости Божїей, пролїютъ токмо единыя радостныя слезы. Гряди, сыне мой! ты благоугоденъ во очахъ Превѣчнаго; всюду, куда бы ты ни простеръ стопы свои, всюду осѣняемъ будешъ крылами провидѣнїя. Пусть немогу я слѣдовать за тобою, однако всѣ чувствованїя сердца твоего, всѣ страданїя богобоязненныя души твоея, и я, подобно тебѣ ощущати буду. Съ высоты престола своего Саваоѳъ услышитъ гласъ мой. Гряди чадо мое, и возвратись вспять исполненно новыми благословенїями! Такъ рекла она объемля его. Юноша долгое время пребывалъ въ молчанїи въ объятїяхъ матери своей, по томъ вѣщалъ: колико

почтилЪ меня БогЪ удостоивЪ избрать меня на принесенїе ему со отцемЪ моимЪ, жертвы всесожженїя. Если бы мое чаянїе небыло чрезмѣрно дерзко, подумалЪ бы я, что странное нѣкое произшествїе воспослѣдуетЪ сЪ нами. МожетЪ быть небеса преклонятся, и Всевышнїй благословитЪ мнѣ зрѣть край ризЪ своихЪ, и слышати вѣщанїя изЪ устЪ его, или изЪ устЪ одного изЪ СерафимовЪ открывающихЪ будущее, можетЪ быть и удостоюсь я возвести взорЪ на златой вѣкЪ, Патрїархами ожидаемй. Но какое бы таинство вЪ семЪ велѣнїи ни заключалось, я на все готовЪ, о! отче мой: коль скоро лучи утренней зари коснутся очамЪ моимЪ, уже я готовЪ буду! О если бы уже насталЪ сей вожделѣнный часЪ.

АвраамЪ внимая словамЪ ИсааковымЪ, возводитЪ очи свои на небо и воздыхаетЪ отЪ глубины своего сердца. Страданїя претерпѣнныя имЪ до

возвращенія сына его, были только единая тѣнь въ сравненіи тѣхъ страданій, коими терзаема была душа его, когда онъ услышалъ его съ таковою невинностію вѣщающаго. Но воля его подъ бременемъ бѣдствій навсегда пребыла непоколебима. Безгласенъ устремляетъ мысли свои къ Богу, и самъ себѣ вѣщаетъ: о творче мой! тебѣ принадлежитъ чадо мое: сей богодухновенной разумъ, сїе неповинное сердце, суть дары благости твоея. Отъ твоея воли зависитъ избраннаго своего оставити на землѣ! да будетъ онъ служити примѣромъ святому потомству; отъ твоея же воли зависитъ и взяти его отъ земли, подобно какъ древле восхищенъ былъ Енохъ, и причести его лику небесныхъ Ангеловъ, дабы удалить его отъ очей беззаконниковъ. . . Воззови Исаака! но подкрѣпи меня, о отче мой! да непадетъ душа моя отъ поражающихъ ее бѣдствій: прости мнѣ,

коль печаль терзающая сердце мое тебя оскорбляетъ, я утишу страданїе сїе предъ Тобою.

Саваоѳъ проницаетъ мысли Аврамовы, и предопредѣляетъ ему достойную награду. Тогда вѣщалъ онъ Серафиму и прочимъ силамъ стрегущимъ входъ во святая святыхъ:

О! вы Серафимы, вы благопрїятствующїе землѣ, паче нежели всѣмъ мїрамъ, желаете ли зрѣть добродѣтель сыновъ человѣческихъ въ самомъ ея совершенствѣ, возведите на Хананскую страну свои очи и созерцайте Авраама. Вы знаете его: часто благочестивой нравъ и добродѣтель его подражающая вашимъ добродѣтелямъ, радостїю васъ исполняла. Божественное око мое зрѣло только единое существо отъ корене Адамово произшедшее, и столь вѣрно исполнившее намѣренїе, для котораго я создалъ человѣка: единаго *Еноха*. Но искушенїе, коему я подвергаю добродѣтель

Авраамову, прославитъ родъ человѣческой, и создавшаго оной!.... Я повелѣлъ ему принести на горѣ Moріи во всесожженіе Исаака, сына даннаго ему по обѣтованію моему. Онъ не меньше жизни любезенъ ему; но онъ и достоинъ такія любви. Въ часъ, въ которой сотворилъ его, я радовался отмѣннымъ веселіемъ, и вы зрѣли душу его, когда Серафимъ низвелъ оную на землю. Силы небесныя, о Серафимъ! блаженнымъ тебя почитали, когда я избралъ тебя хранителемъ ему! Се жертва закланія, и онъ со благоговѣніемъ повинуется мнѣ. Ни единая жалоба неисходила изъ устъ его; онъ страждетъ, но среди страданій своихъ меня восхваляетъ, и я уже предъуготовалъ ему вѣнецъ въ награду. Отъ корене Авраамова произыдетъ спасеніе міру, отъ него родится Мессія; многіе чада добродѣтели, многіе непорочные праведники нарекутъ его отцемъ своимъ, и на-

слѣдуютъ мое благословенїе. Ты же, о Ангелъ! снїйди на землю низу; буди свидѣтелемъ благочестїя его; да не сокроется отъ тебя ни единое движенїе сердца его, ни единая лица его черта изобразующая его душу; назирай всѣ его мысли, доколѣ узришъ исполненїе, да познаютъ отъ тебя Ангелы, коль велика добродѣтель праведника сего.

Между тѣмъ нощь, звѣздами изпещренныя свои крылья подобныя крыламъ Херувимовымъ, разпростираетъ въ безмолвїи на померкшее небо. Уже Авраамъ вкушаетъ съ любезнымъ сѣмействомъ своимъ вечернюю трапезу, во время коея наслаждается святою бесѣдою, приличною тѣмъ, кои толь часто со Ангелами бесѣдовали, приличною избраннымъ Божїимъ изъ всѣхъ племенъ земныхъ. Торжественная пѣснь прекращаетъ на краткое время ихъ рѣчи. Исаакъ при согласїи Тимниной лютны воспѣваетъ не-

бесную добродѣтель, безпрестанно устремляющую свои очи на Существо высочайшее, дабы въ теченіе жизни своея хранити заповѣди его; добродѣтель съ равнодушіемъ пріемлющую отъ десницы Зиждителя, щастіе и злоключеніе; добродѣтель, которая днесь исполненна благодарности съ веселіемъ обозрѣваетъ блаженство будущее; а заутра возведши взоръ свой на сіи радостныя виды, узритъ свою лестную надежду совсѣмъ увядшею. Сія добродѣтель вѣдаетъ, что обитаяй во превыспренныхъ странахъ воздушныхъ избираетъ всегда лучшее для всея твари своея, и премѣняетъ во благо ниспосылаемыя отъ него бѣдства. Се предлогъ пѣсней Исааковыхъ! Сила истинны, высокость мыслей, знаніе божественнаго согласія, все собраніе восхищаетъ. Авраамъ погружается въ пріятную задумчивость: мыслящая душа его восходитъ отъ истинны къ истиннѣ, и отъ размы-

шленія къ размышленію; наконецъ свѣтъ премудрости разгоняетъ въ оной тайныя на провидѣніе роптанія. Пѣснь окончалась, но сладкій гласъ оныя еще сердце Авраамово чувствуетъ: онъ погруженъ въ своихъ мысляхъ, подобно какъ въ спокойномъ снѣ. Тако Ангелъ неся въ отдаленныя небеса велѣнія Предвѣчнаго, приходитъ въ сладкое забвеніе, когда услышитъ звуки небесныхъ гуслей, на струнахъ коихъ безсмертныя существа ударяютъ. Въ то время, какъ удалившись въ скиніи свои, наслаждались всѣ сладостію сна, и Авраамъ съ Саррою находились въ своемъ наметѣ, нѣжная матерь Исаакова возхотѣла познать причину скорьби многократно на челѣ супруга своего зримой, и объ оной его вопросила. О! Сарра отвѣтствовалъ ей Авраамъ, праведно твое удивленіе: странное во истинну дѣло видѣть единую печаль тамо, гдѣ ищутъ единыя только радости. Часто

чистѣйшая радость, помрачается скоропреходящимъ облакомъ. Но Увы! коль краткое разстоянїе между мученїемъ и удовольствїемъ? веселїе сопровождаемо бываетъ воздыханїями, а печаль веселїемъ. Однако познай, кая мысль радостныя мои слезы въ горестныя премѣняетъ. Въ то время какъ ты держала Исаака въ объятїяхъ своихъ, и какъ я самъ наслаждался нѣжнѣйшими чувствованїями, прискорбное нѣкое воображенїе представлялось во умѣ моемъ, и ужасъ объялъ духъ мой. Но что, если незапно превратность щастїя, похититъ у тебя сего любезнаго сына? часто Господь избранныхъ своихъ ведетъ по стезямъ тернїемъ усѣяннымъ! Тако самъ себѣ вѣщалъ я трепеща; но сїя мысль недолго продолжалась.

Онъ вѣщалъ, и вѣщалъ истинну. Однако матерь Исаакова неможетъ постигнуть сокровеннаго смысла сихъ рѣчей. Исполненная соболѣзнованїя продолжаетъ тако:

Что ты мнѢ вѢщаешъ, супругъ любезный? какъ сїя страшная мысль возмогла вселитися въ душу твою?... Ахъ! я трепещу отъ ужаса..... О Исаакъ, о сынъ мой единородный! какъ могу я жить тебя лишася?.... Но удались отъ меня мысль плачевная..... А ты, чадолюбивѢйшїй изъ отцевъ! мужайся да невостревожитъ оная болѢе твоего сердца. Возри на грядущее блаженства исполненное время; тамо прїятнѢйшїя явленїя представляются нашему взору. Чаемыя сїи зрѢлища, составляли веселїе мое, доколѢ сїя ужасная мысль, подобно какъ буря благорастворенность воздуха, непомрачила оныхъ. Но возъимѢемъ лучшую надежду и возложимъ упованїе наше на попеченїе провидѢнїя, которое намъ его даровало, его сохранило, и исполнило обѢтованїя, коихъ воспоминовенїе всегда въ душѢ моей присутствуетъ. О! коль сердце мое отъ радости трепещетъ,

когда воспоминаю сладкую надежду, коея исполненіе предвижу я изъ повѣсти Исаковой. .... Любезное чадо, уже я зрю тебя блаженна во объятіяхъ дражайшія супруги, и достойной твоея нѣжности другини; тебя ради самъ Господь украсилъ ее блистаніемъ Авроры, тебя ради сотворилъ онъ ее по склонности непорочнаго твоего сердца. Ты ее любишъ, и ею любимъ взаимно. Уже вижу я себя окруженную виликимъ числомъ красныхъ юношей и отроковицъ именующихъ тебя отцемъ своимъ, представляющихъ чертами лицъ своихъ образъ твой; уже зрю я ихъ играющихъ окрестъ меня на весеннихъ цвѣткахъ! Пріятное зрѣлище! блаженное чадо! блаженна матерь родившая тебя!...Среди сея лестныя надежды, годы удаляющіе исполненіе обѣтовъ, пролетятъ какъ скоротечные мѣсяцы. И если очи мои сокроются прежде сего времени, если неузрятъ ни-

когда той, которую нѣкогда сынъ мой любити будетъ, ни чадъ, кои будутъ произносити имя мое; то душа моя, о любезный супругъ, сопровождаемая Ангелами, будетъ летати невидимо надъ главами вашими и дѣлити съ вами блаженство ваше.

По окончанїи сихъ словъ нѣжнѣйшїя матери, тако отецъ паки продолжалъ: Праведно есть ожидати благо отъ источника всѣхъ благъ! надежда, о Сарра, питающая матернее твое сердце, есть чистѣйшая, какую Господь смертнымъ имѣть позволяетъ. Блюдися, да непредается сердце твое своимъ склонностямъ; но да покоряетъ всегда свои мысли закону Божїю; ибо часто мысли наши съ Божїими несогласны. Наслаждайся прежде времени блаженствомъ будущимъ, но наслаждайся имъ всегда такъ, чтобъ каждую минуту могла оное оставить.

Тако бесѣдовала Сарра и Авраамъ, покамѣстъ сладкой сонъ осѣнилъ ихъ крылами своими.

Пѣснь третяя.

Среди нощныхъ мраковъ, Серафимъ, небесный защитникъ Исааковъ, внималъ словамъ Сарры и Авраама. Узрѣвъ же ихъ предавшихся сладостямъ сна. О! коль пріятное еще спокойствіе вкушаешъ ты нѣжная матерь въ сновидѣніяхъ своихъ, вѣщалъ онъ самъ себѣ: лестная надежда, въ коей ты уснула, проливаетъ еще ясность на веселомъ лицѣ твоемъ. Но сія любезная ясность, вскорѣ премѣнится во мрачный страхъ, сіе радостное сердце, скоро оледенѣетъ отъ ужаса! Увы! я зрю тебя яко съ выспренностей небесъ сверженную, и предавшуюся стенаніямъ и отчаянію! воставъ заутра вопіяти станешъ: Ахъ! когда пріидетъ вечеръ. Дневный свѣтъ

прежде сего приносившїй тебѣ радость, уже тебя устрашати станетъ, и темнота нощная любезна тебѣ будетъ; но неусыпная скорбь твоя, никогда во мрачностяхъ нощныхъ спокойствїя себѣ необрящетъ.... Ахъ, какїя слова уста мои произносить дерзаютъ! Сїи мысли несуть мысли Господа, ниже Ангеловъ исполняющихъ съ радостїю и благоговѣнїемъ тайныя судьбы Всевышняго. Слышать сѣтованїе существъ безплотныхъ столь несносно слуху нашему, какъ если бы устройство круговъ небесныхъ разстроилось и поражало бы небеса ужаснымъ несогласїемъ. Сердце мое ощущаетъ страданїя твои, о чадолюбивая матерь! ибо сердце твое чувствительно, и душа твоя, хотя чистая яко самая невинность, но столь слаба, что неможетъ пренести бѣдствїй, на главу твою пролитися готовыхъ. Когда возвожу на тебя взоръ свой, сердце

мое содрогается и очи мои слезы проливаютъ! Но среди самыхъ соболѣзнованій моихъ, лѣпотнѣйшія явленія представляются взору моему! явленія оправдающія стези провидѣнія. О дражайшій Исаакъ! Ангелъ хранитель твой восприемлетъ тебя на лоно свое прежде, нежели онъ уповалъ сіе сотворити: ты уже давно достоинъ обитати въ селеніяхъ небесныхъ!.... Небеса, отверзите врата свои! и вы сѣни, подъ которыми онъ вскорѣ воспоетъ хвалу Всевысочайшему существу, красуйтеся нынѣ съ большимъ блистаніемъ. Еѳирные облака, пролейте пріятнѣйшую весну на тѣ поля вѣчными цвѣтами украшенныя, по которымъ поведу я его въ соборъ Серафимовъ, чтобъ они пріяли его въ свои объятія. Могъ ли я уповати въ то время, когда ты въ невѣденіи слѣдовалъ за мною для обитанія во бренномъ тѣлѣ, что такъ скоро наименую я те-

бя любезнымъ именемъ брата.... Земная жизнь твоя, коея былъ я свидѣтель и защитникъ, всегда мнѣ обѣщевала неизвѣстныя радости, даже и въ самыхъ небесахъ. Зрѣлище человѣческой добродѣтели всегда любезно силамъ небеснымъ, а часто и свидѣтелями сея добродѣтели Ангелы бываютъ. Сколь сладостно видѣть на ланитахъ невинности, во очахъ любви слезы первыхъ восхищенїй, когда внутренняя нѣжность являтися принуждена бываетъ. Сколь приятно слуху косноязычное вѣщанїе нѣжнаго младенца, когда онъ на лонѣ матернемъ силится произнести сладчайшїя чувствованїя, кои сердце его ощущало прежде, нежели онъ могъ оныя изъяснити. Сколь восхитительно зрѣть, когда угасшїе и помраченные очи родителя, паки оживляются и блистаютъ въ то время, когда онъ благословляетъ чадъ и потомковъ своихъ, въ сердцахъ коихъ

примѣръ его, добродѣтель возбуждаетъ. Сіи то радости надѣялся я узрѣть въ пріятностяхъ будущихъ, что бы помѣстить оныя еще въ лучшіе виды. Они исчезли, подобно какъ исчезаютъ утреннія сумерки, при явленіи лучей Авроры. . . . Ты умираешъ о юноша! вскорѣ по смерти насладишся ты лицезрѣніемъ Бога, пѣніемъ Херувимовъ, безконечною жизнію! . . . Пріиди, друже мой! я непролію слезъ взирая на текущую кровь твою, и на преклоняющуюся главу твою подобно увядшему крину. Нѣтъ, непроливая слезъ, восприму я тебя, о! праведная душа, на разпростертыя свои крылѣ, и быстрымъ полетомъ пренесу я тебя въ средину ликовъ безплотныхъ существъ.

Тако вѣщая, обращается онъ къ ложу Исаакову и на главу юноши сего низливаетъ пріятнѣйшія сновидѣнія. Между тѣмъ заря утренняя являтися начинаетъ; резбужденный пе-

рьвыми ея лучами Авраамъ, востаетъ отъ одра своего, и обрѣтаетъ Исаака въ путь уже ити готоваго. Сей юноша разбужденъ былъ таинственнымъ нѣкїимъ сновидѣнїемъ. Онъ и тогда еще мнилъ зрѣти небеса отверсты и полчища Серафимовъ вокругъ божественнаго облака парящихъ, и слышати шумъ лазоревыхъ крылъ ихъ. Въ радостномъ своемъ восторгѣ съ поспѣшностїю оставляетъ ложе свое, и тщательно предъуготовляется въ путь, которой обѣщеваетъ ему небесное зрѣлище, то есть событїе сновидѣнїя его... Вскорѣ Измаилъ и вѣрный *Елїазаръ* приходятъ къ нему проститися. Правда, они оба ощущали скорбь разлуки сея, но не въ равной степени. Измаилъ хотѣлъ и въ сей еще день дать отдохновенїе утомленнымъ верблюдамъ; по томъ для собранїя ароматъ, Спикинарда и капель мирѳомъ истощаемыхъ, желалъ ѣхать на благовонныя

Гилегадскія горы, по возвращеніи своемъ намѣривался онъ препроводить нѣсколько дней съ божественнымъ Патріархомъ, а оттуда возвратитися въ Фаранъ въ объятія нѣжныя Васмафы. Между тѣмъ Сарра, при помощи Лилифы и Гетуры приуготовила пищи на цѣлую седмицу. Уже все къ отъѣзду было готово; уже два раба стояли на пути съ навьюченными животными; Аврора начинала уже украшать вершины горъ червленнымъ цвѣтомъ. Исполненный благоугодныхъ о немъ желаній, Авраамъ исторгается изъ нѣжныхъ рукъ Сарриныхъ и обемлетъ съ горячностію сына Агарина. Въ сіе время повергается Исаакъ на выю *Еліазара*; сей почтенный старецъ разлучитися съ нимъ неможетъ, и небудучи въ силахъ умѣрити скорбь свою, отвращаетъ отъ него лице свое, и проливаетъ токи слезъ. Потомъ юноша стремится во объятія Измаила и незритъ слезъ во

очахъ его. Но се, о младый юноша! приближается чадолюбивая Сарра, и желаетъ тебя нѣжно облобызати. Она благословляя его, безъ слезъ обымаетъ, и за грѣхъ вмѣняетъ плакати о сынѣ, коего гласъ Божїй къ себѣ призываетъ. По долговременномъ лобызанїи, Сарра оставляетъ сына своего, и сїи слова благословенїя ему вѣщаетъ: Гряди, чадо мое, гряди куда Адонай Господь тебя призываетъ! Ахъ! колико зримый во очахъ твоихъ огнь, исполняетъ меня радостїю! Коль любезно мнѣ видѣть въ тебѣ священное желанїе исполнять повелѣнїе Бога тебя сотворшаго, и внимать изъ всемогущихъ устъ его исходящимъ словесамъ для чадъ Адамовыхъ утѣшительнымъ, иди, и возвратися исполненъ благодати Всевышняго.

Тако рекла она, и Исаакъ отправляется въ путь съ таковою поспѣшностїю, съ каковою Серна стремится къ обросшей мирѳами горы. Уже тѣ-

ни Мавриїйскія скрываются отъ очей путешествующихъ, и самыя зоркія на мѣстѣ оставшихся очи, тщетно ищутъ ихъ въ лазоревой синевости отдаленныхъ холмовъ. Надъ главами Патріарха и сына его леталъ Серафимъ небесный свидѣтель сего позорища, и проницаніе его изъ очей Авраамовыхъ, познавало всѣ помышленія его.

О! ты воспламеняющая во мнѣ желаніе воспѣть сіе богоугодное приключеніе, священная Муза! ясно вѣдущая помыслы человѣковъ и Ангеловъ, внемли благосклонно вопросу моему: повѣдай мнѣ что зрѣлъ Серафимъ во очахъ Авраамовыхъ, какія размышленія упражняли душу его, когда исполненный величественнаго духа, невзиралъ онъ ни на благорастворенность дня во всемъ блескѣ сіявшаго, ни на разнообразность полевыхъ предмѣтовъ, ниже на самаго Исаака, который въ восторгѣ радо-

сти желаетъ видѣть Творца всея твари! Во время пути, Патріархъ тако бесѣдовалъ въ своихъ мысляхъ.

Я иду обрѣсти тебя, о! земля мнѣ явившаяся, о! Моріа, и обагрити тебя непорочною кровію единороднаго своего сына! и сія самая рука должна ее пролити. Кедры твои и окрестные холмы, узрятъ смерть дражайшаго сына, закланнаго рукою отца своего, узрятъ смерть Исаака моего! тако повелѣлъ Адонай Господь. Онъ избралъ во всесожженіе себѣ сына моего; тамо кровь его, чистѣйшая крови агнчей благоугодна ему будетъ. О сыне мой исчезающее упованіе! еще ты радостныя пѣсни воспѣваешъ, невѣдая судьбы своея! и еще лице твое весело яко юдоль сія! еще источники жизни протекаютъ въ тебѣ, подобно водометамъ вертоградъ Господенъ окропляющимъ, подобно струямъ напояющимъ испещренные цвѣтами луга! Но вскорѣ все сіе въ ничто обратится. . . .

Уже представляется взорамъ моимъ мѣсто ужаса; уже я тебя зрю, о сыне мой! зрю сердце твое въ послѣднiй разъ бiющееся! я вижу жилы твои цвѣтъ измѣняющiя; очи твои томно на меня возводятся и сномъ смертнымъ затворяются на вѣки! Окружающая меня природа въ прискорбномъ безмолвiи пребываетъ. О Морiя! ты подъ стопами моими содрогаешъ, и ты Сiонъ, со трепетомъ взираешъ на сiе ужасное позорище! Увы! о святыя горы! древле вы зрѣли, радостныя дѣйствiя! Кедры твои, Сiонъ, часто святаго Ноя подъ тѣни свои принимали; на туманныхъ твоихъ вершинахъ часто слышалися пѣсни божественныя Деворы; цвѣтущая Саранская твоя долина, часто призывала юношей въ розовыя свои кустарники; но днесь услышишъ жалостный вопль смерти. Вскорѣ струи крови единороднаго сына, рукою отца пролитыя, потекутъ съ холмовъ

твоихъ. Ахъ, колико при семъ воображенiи сердце мое хладнѣетъ! . . . Отъ чего хладнѣешъ ты о сердце! воля моя покоряется Господу моему. Престань содрогатися утроба моя, Богъ сiе повелѣваетъ. . . . Правда, ужасные мраки разпростерты надъ судьбою моею; я окруженъ нощiю темнѣйшею тоя нощи, въ коей подъ нѣкими таинственными видами, зрѣлъ я отдаленнѣйшихъ временъ событiе корене моего, въ коей Господь навелъ на меня страхъ и въ коей громъ вѣщалъ. Господи ты непостижимъ въ судѣ твоемъ, ты тресвятъ и непостижимъ! Очи смертныхъ на тебя взирати немогутъ и святая мрачность покрываетъ судьбы твои. . . . Но что вѣщаю я? Какiй незапный свѣтъ озаряетъ мое сердце и разгоняетъ мракъ души моея? не мечтанiе ли се? или ты, мысль во мнѣ раждающаяся, отъ Бога происходишъ? Для чего рожденный отъ Агари сынъ мой прибылъ

въ самой тотъ день, къ которой Богъ Исаака отъ меня требуетъ. Какими неизвѣстными путями десница Божія, приводитъ его къ сему сокровенному намѣренію? Безъ сомнѣнія въ Наваіоѳѣ исполнится обѣтъ Предвѣчнаго: или можетъ быть единственно для искушенія вѣры моея, послалъ Богъ съ небесъ непорочнаго Исаака? Или отъ корене Измаилова произойдетъ спасеніе языковъ? Ахъ! радуйся предъизбранный Божій, радостію веліею, и я когда лишуся Исаака, ты мѣсто его во мнѣ заступати будешъ. Но какая отважность?.. Прости, ахъ! прости Господи, коль дерзаю я измѣрить глубину твоихъ таинствъ. . . . Ни единъ изъ смертныхъ недолженъ порочить святыхъ судебъ дерзостію своихъ изслѣдованій! Въ таковомъ случаѣ и Херувимъ покрываетъ крилами своими зракъ свой. Каковы бы ни были священные твои уставы, данное Тобою мнѣ обѣ-

щаніе вѣчно мимо непройдетъ. Нестоль твердъ кругъ небесный, сколь непреложенъ глаголъ Господень: удобнѣе изъ перши сына моего Божіимъ дохновеніемъ оживленной возродитися вторично Исааку, нежели неисполнитися слову божественнаго твоего обѣщанія.

Тако бесѣдуя самъ съ собою, Патріархъ вновь обращаетъ очи свои на юношу, который взирая на отца своего съ веселіемъ, вѣщаетъ ему: о отче мой, сей лугъ предъ нашимъ взоромъ простирающійся, представляетъ воображенію моему то мѣсто, на коемъ непорочная Ревекка научила меня воспѣвать пѣснь веснѣ, пѣснь, которую пѣла она на струнахъ своея лиры; если тебѣ угодно отче мой! для тебя я воспою ее нынѣ. Видъ долины сія влiялъ въ сердце мое столько веселія, а пѣніе птицъ вдохнуло въ меня толико согласія, что все, что Ревекка и Авіасафъ мнѣ нѣкогда воспѣвали, не-

запно днесь возбуждается въ душѣ моей.

Благосклоннымъ возрѣнїемъ Аврамъ далъ знакъ, чтобъ онъ началъ. Тогда отрокъ сей воспѣлъ, и окрестныя долины въ глубокомъ безмолвїи невинную пѣснь его внимали.

„О радость! любезная Богу и че„ловѣкамъ, спутница невинности, „сниди съ холмовъ сихъ на гласъ пѣ„нїя моего, прийди изъ глубины до„ла, въ коемъ ты наслаждаешся прї„ятностями весны; прийди изъ вер„тоградовъ криновыхъ и рощей бла„говонныхъ! кая небесная лѣпота при„ближается къ рощамъ исполненнымъ „благоуханїя, свѣтла яко луна, и вы„сока яко кедръ? Не Ангелъ ли Божїй! „не чадо ли небесъ днесь изъ рукъ „Творца изшедшее? Ахъ! очи его, сер„дца смертныхъ любовїю исполняютъ! „Во истинну се Ангелъ! или самая „радость? Блаженны очи безпрестан„но тебя зрящїе и всегда наслаждаю-

„щїеся радостїю тебя созерцая! такъ, „се она грядетъ! Она на моленїе мое „ко мнѣ приходитъ, и се небесныя „цвѣты раждаются подъ ея стопа- „ми. . . . . Веселые часы увѣнчанные „цвѣтами, летаютъ надъ главою ея. „Радость простираетъ прелестныя „крылѣ свои, и превыше облаковъ ме- „ня возноситъ. Здѣсь вижу я приро- „ду подъ стопами моими процвѣтаю- „щую. Вознесенъ ко престолу тво- „ему на крылахъ ея, воспѣваю я, Со- „здатель мой! хвалы тебѣ. Естес- „тво присоединяетъ пѣсни свои къ „моимъ пѣснямъ, и изъ среды рощей „подъемлются прїятныя гласы, изъ „глубины доловъ сихъ восходитъ „благовонїе, подобное дыму все- „сожженїя. Вы чада Зиждителя! со- „едините пѣсни ваши съ моими, и „восхвалите благость, виновницу бы- „тїя нашего. Обитаемыя Серафимами „небеса повѣдайте славу Божїю! И ты „кристаловидный источникъ проте-

,,кающїй по сему украшенному цвѣта-
,,ми лугу, журчанїемъ водъ своихъ
,,гласи цвѣтамъ неумолкно: всякое
,,дыханїе да хвалитъ Господа и возве-
,,селится о немъ!,,

За пѣснею Исааковою слѣдовали важные разговоры. Такимъ образомъ сокращался путь ихъ. Уже сугубо солнце дневное теченїе свое совершило, и въ третїй разъ Аврора приближается ко вратамъ востока. Тогда праведный Авраамъ возведъ взоръ свой, видитъ гору въ туманной отдаленности возвышающуюся; онъ зритъ Морїю. Старцу страна сїя извѣстна. Въ безмолвїи проходятъ они долину Саронскую, напоенную росою утреннею! Патрїахъ, коего душа паче къ Богу, нежели къ земнымъ вещамъ стремится, погружается въ глубокїя размышленїя; между тѣмъ юный его спутникъ съ веселїемъ по страну его шествуетъ. Въ нощи Емпирейскїй обитатель является ему во снѣ, и вѣщаетъ ему:

„чтобъ познати тебѣ холмъ, на ко„емъ Богъ твоея жертвы требуетъ, „проходя долъ Саронской, узришъ ты „въ воздухѣ голубицу свѣтлыми перь„ями одѣянную. Слѣдуй за симъ пер„натымъ вождемъ, доколѣ не опочі„етъ онъ на единомъ изъ холмъ: на „семъ холмѣ принеси ты въ жертву „Исаака.„ Тогда узрѣлъ Авраамъ сїю свѣтозарную голубицу; но Исаакъ увидѣлъ ее еще прежде его, и въ радости своей думалъ сперва, что она изъ числа тѣхъ горлицъ небесныхъ, коихъ видѣлъ Симъ на горѣ Сїонской, какъ познaлъ онъ изъ пѣсней отцевъ своихъ. Они слѣдовали вождю своему даже до начала горы Морїи: тамо Патрїархъ повелѣлъ рабамъ своимъ себя ожидати; потомъ предъуготовя дрова жертвенныя, возложилъ ихъ на рамена сына своего, а самъ понесъ ножъ и огнь священный. Тако онъ единъ со Исаакомъ продолжаютъ путь свой, и во время шествїя ихъ горлица

летитъ предъ ними. Исполненное прїятнаго движенїя сердце юноши, горѣло святѣйшимъ пламенемъ; уже онъ чаетъ зрѣти присутствїе Божїе, и свѣтлое сїянїе на прекрасномъ лицѣ его блистаетъ.

По долгомъ молчанїи, вѣщаетъ Исаакъ Авраамy: отче мой! Се уже достигли мы горы, кою Богъ избралъ мѣстомъ всесожженїя, уже горлица ниспускается на холмъ; но гдѣ жертва?

Въ невинности сердца своего вѣщаетъ онъ слова сїи. Отецъ же, возрѣвъ на него смущеннымъ и умиленнымъ окомъ, отвѣтствовалъ ему тако: Адонай Господь, сыне мой, ниспошлетъ намъ оную!.., По томъ возведъ исполненныя слезъ очи на небо, умолкаетъ; такожде и юноша пребываетъ въ молчанїи. Вскорѣ восходятъ они на святой холмъ въ послѣдующїя времена Голгоѳою наименованный. На семъ то холмѣ, о Божественный Мессїя! на высотѣ креста скончалъ ты путь спа-

сительныя жизни твоея. Достигнувъ до вершины горыМоріи, со благоговѣніемъ пали лицемъ на землю. По томъ Аврамъ соорудивъ изъ дерну жертвенникъ и разложа на ономъ дрова, тако вѣщалъ удивленіемъ пораженному сыну своему.

Познай теперь, сыне мой, какую жертву избралъ себѣ Превѣчный, не вострепещи чадо мое!.... Самъ Саваоѳъ глаголалъ: съ подобострастіемъ внемли велѣніямъ его. Онъ повелѣлъ принести въ жертву тебя, возлюбленнаго моего, тебя единороднаго сына Саррина.... и я повинуюсь высочайшимъ велѣніямъ его. Правда, что сердце мое терзается!... Но Богъ ниспославшій мнѣ тебя, преклонясь на моленія мои, Богъ, коему ты принадлежишъ, тебя паки къ себѣ призываетъ! Радуйся, чадо мое! Увы! ты плачешъ!.... Ахъ, престани отъ слезъ! но возрадуйся о томъ, что Всевысочайшій судія предпочитаетъ кровь твою, крови Агнцевъ траву ядущихъ, чтобъ предъобразить

Божественнаго Ходатая. Зри, сыне мой, уже врата небесныя отверзаются, Серафимы вѣнецъ тебѣ предуготовляютъ!... Вскорѣ узришъ ты Господа во всемъ велелѣпіи его, и что ты всегда желалъ съ толикою горячностію, ты узришъ Бога лицемъ къ лицу! Да отретъ твои слезы небесное упованіе долженствующее затьмить всѣ желанія земныя! вручи скоротечную жизнь свою Творцу, предъизбравшему тебѣ жизнь вѣчную.

При сихъ словахъ, восхищенный сыновнею горячностію юноша, обнимаетъ его и умѣренными слезами орошаетъ блѣдныя ланиты и дрожащія руки отца своего. Съ вершины высокаго кедра Ангелъ хранитель его, взираетъ на сіе жалостное зрѣлище, отъ котораго сердце его содрогается и сіяніе безсмертныя юности на челѣ его увядаетъ, и онъ слышитъ Исаака, вѣщающа отцу своему: слезы мною проливаемыя, о отче мой!

не суть слезы сопротивленія и боязни: Око, испытующее сердца, видитъ меня въ сію минуту и свидѣтельствуетъ повиновеніе мое. Правда, я надѣялся (коль часто надежда не предусматриваетъ судьбу свою?) прожить долѣе на землѣ; я уповалъ увѣнчать радостію ветхую твою старость, и въ поздое время закрыть зѣницы достойнѣйшей и чадолюбивѣйшей матери: сладчайшая надежда представлялась мнѣ въ самыхъ лестныхъ предмѣтахъ будущаго времени!...Но недолжно ли мнѣ оныя оставить, когда ласкаетъ меня высочайшее еще упованіе, коего исполненіе Господь въ скоромъ времени обѣщеваетъ? Единый только образъ нѣжныя моея матери, слезы изъ очей моихъ извлекаетъ и терзаетъ мое сердце! Увы! какъ вѣсть сію снести она возможетъ? О Боже! подкрѣпи ее, да непадетъ она отъ удара готоваго поразить ея матернее сердце!

Ахъ! онъ ее утѣшитъ....Онъ также и тебя утѣшитъ, о родитель мой!....Исчезни днесь печаль моя! изсякни источникъ слезный, да ни единый вздохъ непотревожитъ сердца Богу посвященнаго! Се предстою я, отче мой! Се жертва протягающая на закланїе выю свою! Исполняй повелѣнїе Богомъ тебѣ данное! Мысль высочайшая, зрѣть Божество, и присутствуя предъ престоломъ его безпрестанно лицезрѣнїемъ его наслаждатися, мысль прїятнѣйшая, колико ты меня восхищаешъ! Какою свѣтлостїю наполняется духъ мой! Ничто уже его не потревожитъ, ни дружескїя слезы, ни прїятности Ревеккины, ниже самое отчаянїе твое, о нѣжнѣйшая и возлюбленнѣйшая матерь!... И вы други не плачите о мнѣ; а если дружба ваша извлечетъ нѣсколько слезъ, возведите съ веселїемъ очи свои на небо, гдѣ я наслаждатися буду радостїю непремѣняющеюся во вѣки.

Слыша таковыя вѣщанія его Серафимъ, восхищается чистѣйшимъ веселіемъ: онъ приближается во всемъ сіяніи славы своея, и предъуготовляется уже пріяти душу друга своего. Авраамъ еще разъ объемлетъ сына своего, и слезу на розовыя его ланиты испускаетъ. Но сердце у обоихъ колеблется сильнѣйшими чувствованіями, какія мало смертные испытуютъ, и какихъ, тѣ самые изъяснити немогутъ, которые ихъ въ себѣ ощущаютъ. Исаакъ со спокойнымъ духомъ лежитъ на жертвенникѣ, и хотя біеніе сердца его болѣе усугубляется, однако душа его о единомъ только вѣчномъ блаженствѣ помышляетъ. Авраамъ возведъ очи свои на небо, слѣдующее моленіе произноситъ:

Господи! се уже я готовъ! сердце мое преопоясуется крѣпостію, уже болѣе оно нестенаетъ, уже оно несокрушается! Зри душу мою во всемъ Тебѣ повинующуюся! я воз-

вращаю тебѣ прекраснѣйшій даръ твой, полагаю его предъ стопами твоими; пріятности жизни моея протекають, крѣпость увядающія старости моея, во изнеможеніе приходитъ, я самъ имъ тебѣ жертвую! . . . Любезныя предмѣты, да возрю на васъ еще единожды, прежде нежели вы отъ меня сокроетесь на вѣки. . . . Вскорѣ горестная скорбь и уныніе водворятся въ душу мою на мѣсто непорочныя радости, которая заутра въ сердцѣ моемъ возбуждалась, а въ вечеру окончивалась пріятными сновидѣніями. Скоро въ Маврикіи, гдѣ прежде былъ слышанъ, о чадо мое! гласъ пѣнія твоего, скоро подъ сѣнолиственнымъ дубомъ, гдѣ самъ Бого-Мессія, преклонясь на моленія моя, обѣщалъ тебя мнѣ ниспослати, небудутъ раздаваться радостныя пѣсни твои, согласною лирою. Тимны сопровождаемыя, и единыя токмо жалостныя рыданія слышатися будутъ.

Тогда то невозмогу я снести бремя злополучїй своихъ. Увы! слухъ мой приобыкъ было уже внимати изъ устъ Исааковыхъ сладкое имя родителя!....Но уже я болѣе неуслышу сего прїятнаго имени. Великїй Боже! ты даровалъ мнѣ Исаака, ты зришъ, колико еще сей даръ твой мнѣ любезенъ!..... Человѣколюбїе твое ко смертнымъ безконечно; ты въ часъ милосердїя твоего, начерталъ жизнь его въ книгѣ судебъ; Ангелы взирая на него радостно восклицали: человѣкъ наслаждается всѣми благими мїра, но чистѣйшее блаженство вкушаетъ онъ въ ту минуту, когда слышитъ достойнаго наслѣдника добродѣтелей его, произносяща имя родителя. Не много! о Творче созидаешъ ты столь прекрасныхъ, столь кроткихъ и столь чувствительныхъ душъ, какова душа Исаакова..... Таковаго сына рука моя заклати тебѣ предъуготовляется

но я нескорблю; какъ дерзну я Господи, противу тебя роптати? О Боже! уста мои на изъявленіе единыя благодарности отверзатися будутъ. Воистину безпрестанно хвалу тебѣ воздавати буду, за всѣ дни, въ кои ты благословилъ сыну моему при мнѣ быти, за всѣ радости, коими онъ утѣшалъ меня, когда въ сладкой надеждѣ зрѣлъ я Спасителя міра отъ корене его нѣкогда произойти долженствующаго, и когда и самые Ангелы блаженство мое возвѣщали и меня именовали отцемъ Мессіи. Пріими, о Создатель мой! благодарность за благотворенія твои тебѣ приносимую, приими отъ повинующейся тебѣ руки моей сіе жертвоприношеніе. По семъ возводитъ взоръ свой на Исаака и простерши свою руку, емлетъ ножъ, дабы заклати сына своего.

Между тѣмъ Предвѣчный приникъ милостиво на землю, и зря Авраама готоваго къ жертвоприношенію, рекъ

силамъ небеснымъ: да призираютъ безпрестанно на сїе святилище. Авраама искушенїе мое непоколебало! во удовлетворенїе благоволенїя моего не пощадилъ онъ возлюбленнаго своего сына. Се уже онъ простеръ руку свою, дабы прїяти убїйственное оружїе. . . . Кого изъ васъ пошлю воздержати десницу его, и возвѣстити ему мое благословенїе.

Услышавъ глаголы Всевышняго Серафимъ Елоа, приближается къ подножїю престола, и падши ницъ вопїетъ: о! Саваоѳъ, удостой избрати меня вѣстникомъ! Ахъ! сердце мое восхищается радостїю, когда я воображаю, что ты возвращаешъ Аврааму сына его, и за благоговѣйное его повиновенїе столь явнымъ милосердїемъ награждаешъ. Съ какимъ веселїемъ услышитъ онъ радостную вѣсть сїю!

Рекъ, и Владыка небесъ приклонился на сїе, и се свѣтозарный Серафимъ, полетомъ въ тысящу кратъ быстрѣйшимъ нежели движенїе вышнихъ Сѳеръ во

кругъ небесъ, и скорѣйшимъ нежели помыслы человѣческіе, ниспускается на землю. Уже парилъ онъ надъ Моріею въ то время, когда Авраамъ держалъ ножъ подъятый на закланіе сына своего, на жертвенникѣ связанна лежащаго. О Елоа! посланникъ Божій, ты блисталъ въ величественномъ сіяніи надъ главою Авраамлею, во кругъ тебя свѣтозарное облако распространялось, подобно небесной Денницѣ. Тогда Серафимъ, изъ среди облака воззвалъ громогласно: Аврааме, Аврааме! . . . Патріархъ, подъемлетъ главу и зритъ Серафима Елоа; при семъ явленіи отступаетъ вспять отъ страха и упускаетъ изъ рукъ священный ножъ. Небесное явленіе, и священное величествіе Елоа, являющагося Аврааму превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ существъ, и обращающаго на него милостивое возрѣніе, вливаютъ въ сердце его неизреченную радость. Патріархъ палъ предъ Серафимомъ лицемъ на землю. Воста-

ни, возопїялъ Елоа, востани предъизбранный Божїй. Никогда неисходилъ къ тебѣ съ небесъ толь радостный вѣстникъ. Богъ искусилъ повиновенїе твое, и нашелъ его непорочнымъ; отъ нынѣ Исаакъ да будетъ наградою вѣры твоея. Чтобъ исполнить глаголъ Божїй, непощадилъ ты сына возлюбленнаго своего. Между тѣмъ Авраамъ востаетъ, и возложивъ руки на главу свою проливаетъ слезы радости. Онъ неможетъ еще вѣщати; сердце его толико стѣснено, что онъ чувствованїй изъяснити неможетъ, и единымъ только безмолвїемъ благодаритъ Бога. Но лице его просвѣщается радостїю небесною. Удрученная страданїями душа его зритъ себя вдругъ освобожденною, зритъ вдругъ себя облеченную въ небесный свѣтъ, и воспрїемлему на рамена Ангеловъ воспѣвающихъ ей повсюду побѣдительныя пѣсни, предается радостямъ блаженства своего,

и преклонившись къ персямъ Ангела на землѣ ей покровительствовавшаго, неможетъ радость свою выразити; но безмолвїе ея болѣе оную нежели слова изъясняетъ. Таково было движенїе нѣжнѣйшаго сего отца, когда противъ всякаго чаянїя возвращается ему сынъ его отъ вратъ смертныхъ. Тогда обнимаетъ онъ сына своего, который погруженъ будучи въ прїятную задумчивость и разсматривая Ангеловъ, не зрѣлъ болѣе отца своего. Коль скоро Елоа возвысилъ гласъ свой, освобождается онъ отъ узъ, коими связаны руки его. Въ восторгѣ новыя радости, преклоняетъ колѣна и непрестанно взираетъ на величественнаго Елоа, который милостивымъ окомъ на него призираетъ. По страну Елоа, видитъ другаго свѣтозарнаго Серафима, и по его виду милосердїе являющему познаетъ въ немъ Ангела Хранителя своего. Тако исполненная веселїемъ душа юноши сего, погру-

жается во Океанѣ радостей, когда отецѣ его обнимаетѣ съ таковою горячностїю, съ каковою никогда не обымалѣ. Приклонивѣ главу свою къ сердцу отца своего, паки вѣ себя приходитѣ отѣ чрезмѣрнаго восхищенїя, паки зритѣ Авраама, и лобзанїями своими осушаетѣ слезы текущїя по ланитамѣ Патрїарха, и потомѣ вопїетѣ къ нему: о отче мой! каковаго блаженства днесь я лишаюсь! Ахѣ! еслибѣ я лишился онаго не для того чтобѣ жить вѣ объятїяхѣ твоихѣ, во объятїяхѣ чадолюбивыя Сарры, какѣ бы могѣ я снести безѣ слезѣ сїю перемѣну? Уже я на крылѣхѣ упованїя парилѣ во странахѣ некончаемыя жизни, наслаждаясь лицезрѣнїемѣ Божїимѣ. Аигелѣ вѣ сїю минуту возвѣстившїй намѣ благоволенїе Всевышняго Владыки, есть единый изѣ тѣхѣ темѣ тысящѣ существѣ безплотныхѣ, при коихѣ поднялѣ я непроницаемую завѣсу вѣчности. Когда лежа

согбенъ на жертвенникѣ, узрѣлъ я первые лучи предвозвѣщавшїе мнѣ Серафимовъ, тогда, о отче мой! уповалъ я, что сїи обитатели небесные вознесутъ меня выспрь. Однако сїе предчувствїе сердца моего несовершилось; Богу угодно было иное повелѣть..... Душа моя, еще обитати на небеси неготовая, остается въ сей смертной темницѣ; еще должно слѣдуя стезямъ добродѣтели, больше явитися достойнымъ жизни будущїя, еще надлежитъ утѣшати старость чадолюбивѣйшихъ родителей. Ликуй о земля! я оставляю небо, дабы обитатели на поверхности твоей: тако повелѣваетъ совѣтъ божественнаго провидѣнїя.

Таковы были словеса юноши сего. Между тѣмъ Патрїархъ обратясь ко Ангелу: о посланникъ Божїй! начальнѣйшїй изъ служащихъ Саваоѳу! вѣщаетъ къ нему: нѣтъ, согласїе небесныхъ Арфъ, не можетъ быть столь

пріятно слуху умирающаго, какъ принесенная тобою вѣсть душѣ моей. Ахъ! глаголы твои новую жизнь вливаютъ въ кости мои. Никогда нечувствовалъ я въ душѣ своей таковаго движенія; никогда сердце мое неисполнялось подобною радостію!.... О Господи господствующихъ! како возблагодарю тя за щедроты твои? Увы! что могу сотворить иное, какъ небезпрестанно возвѣщать смертнымъ чудеса твоя. Услыши изъ глубины сердца исходящій мой гласъ, онъ внятнѣе тебѣ нежели словеса устъ моихъ! Всегда къ роду Адамову, ко отцамъ моимъ, являлъ ты себя великимъ и милосердымъ. Ты низвергаешъ гордыню во прахъ, попираешъ ея стопами своими, увѣнчеваешъ вѣчною Діадимою смиренныхъ. Ты утѣшаешъ скорбящаго, и окованнаго отъ узъ свобождаешъ. Ты благоволилъ Саррѣ при старости ея услышати имя матери, и Аврааму на прагѣ

гроба объяти сына. Се уже вторично отцемъ я себя вижу: сїе прїятное имя трекратно большую радость во мнѣ раждаетъ, нежели когда Исаакъ въ первой разъ оное произнесъ. Буди благословенъ, о торжественный день! буди благословенъ паче всѣхъ дней; восхожденїе твое, непредвѣщало мнѣ, что ты толико для меня блаженъ будешъ, но отъ нынѣ ты пребудешъ благополучнѣйшїй день въ моей жизни. Никакїя стенанїя и никакїя рыданїя непомрачатъ во вѣки свѣтлости твоея, когда ты ежегодно вспять возвращатися будешъ. Во утро твое, да родитъ щастливѣйшая матерь двухъ любезныхъ чадъ, во единъ день двухъ друговъ человѣчества! Въ полуденное твое время великодушный воинъ, да прийдетъ обогащенъ корыстьми враговъ своихъ и да возвратитъ юношѣ супругу его, и отдастъ чадъ родителямъ ихъ. Наконецъ, о день священный! да снїидетъ въ те-

ченіе твое вѣчный миръ на землю! и ты, о Морія! ты, на которой Богъ явился мнѣ съ толикимъ милосердіемъ, будучи благословенна, пребуди на всегда свидѣтельницею щедротъ Божіихъ! Да снидетъ благословеніе Господне въ плодоносной росѣ на Саронъ съ вершинъ твоихъ, и въ отдаленнѣйшее будущее время, верхи кедровъ твоихъ, да прострутъ тѣни свои на Серафимовъ, и да присутствіе Божіе еще нѣсколько кратъ носится на вершинахъ твоихъ, подобно какъ духъ Предвѣчнаго носился надъ землею, въ ту минуту, когда она раждалась.

По симъ словамъ, обратилъ Аврамъ главу свою, и узрѣлъ позади себя овна запутавшагося въ купинѣ рогами. Патріархъ приемля овна сего, принесъ во всесожженіе на мѣсто сына своего; по томъ падши лицемъ ницъ на землю помолился Всевышнему. Между тѣмъ жертва огнемъ пожираетъ

ся и Елоа паки возвысивъ гласъ свой, сїи слова благословенїя вѣщаетъ:

Внемли Аврааме глаголъ Господа Саваоѳа, десницею своею объемлющаго небеса, а шуйцею поддерживающаго свѣтила движимыя дыханїемъ устъ его. Кленусь именемъ моимъ, рекъ Господь, поелику обрѣлъ тебя толь непоколебима въ вѣрѣ твоей, и толь послушна къ заповѣдямъ моимъ, егда повелѣлъ тебѣ принести мнѣ въ жертву сына твоего, сына возлюбленнаго, то прославлю и благословлю племя твое, изъ всѣхъ племенъ земныхъ, и размножу его яко звѣзды небесныя, яко песокъ при краяхъ моря; потомки твои одолѣютъ грады враговъ своихъ, и нарекутся избранными Божїими, и отъ корене твоего изъидетъ спасенїе всѣхъ языкъ земныхъ, кои будутъ тебя благословляти во вѣки. Тако глаголетъ Господь судебъ, тотъ коего обѣты суть неподвижнѣе горъ, и не

поколебимѣе самыхъ Серафимовъ!...
Но сокрою ли я отъ очей Авраамовыхъ благо Богомъ ему предъопредѣленное? и не возвѣщу ли ему, что о будущемъ мнѣ извѣстно? ... Познай о друже Саваоѳа! познай чудеса, долженствующія для тебя сотворитися. Мнѣ благоволено было возвести взоръ свой седмь кратъ во святилище Божіе; тамо на столпахъ діамантовыхъ, висятъ златыя дски, на коихъ написаны сокровенныя судьбы Предвѣчнаго.

Се чтенное мною на дскахъ сихъ: Отъ благословеннаго корене твоего родится Царь, который премудростію и славою превзойдетъ всѣхъ владыкъ востока. Царь сей воздвигнетъ на Моріи велелѣпный храмъ Всевышнему. Тамо величіе Божіе между смертными обитати будетъ; тамо поддерживаемъ Херувимами призирати будетъ на куреніе жертвъ и внимати согласіе священныхъ пѣсней, доколѣ явится Мессія ходатай, который уничтожитъ

прообразованіе. Здѣсь, на семъ холмѣ, на коемъ повелѣлъ Господь заклати тебѣ Исаака, сей Божій Ходатай принесетъ себя въ жертву за родъ Адамовъ, и ороситъ землю своею кровію. Тогда завѣса сокрывающая отъ человѣкъ Бога, вдругъ ниспадетъ, тогда вся земля будетъ свята яко гора сія. Примиренный съ родомъ человѣческимъ Богъ, на всякомъ мѣстѣ присутствовати станетъ, и услышитъ того, кто съ сокрушеннымъ духомъ взывати къ нему будетъ. Таковъ будетъ родъ твой, въ коемъ нѣкогда всѣ племена земныя благословены будутъ Божественнымъ Мессіею, коего предъизбралъ Саваоѳъ вторымъ Создателемъ земли, прежде сложенія міра; сей шаръ земный первую свою лѣпоту обрящетъ. Тогда истинна и міръ водворятся на ней яко на небесахъ. Пустыни процвѣтутъ яко вертограды, знойныя степи украсятся красотою Ливана и ве-

личїемъ Кармельскїя горы, съ безплодныхъ камней потекутъ источники сладки яко медъ. Чада Божїи въ восторгѣ радости въ великомъ множествѣ посѣщати будутъ гору Сїонъ; окруженные вѣчною радостїю, скорби же и рыданїя неузрятъ во вѣки. Небеса исполнятся веселїя, и земля съ горами своими радостїю взыграетъ; блистательнѣе всѣхъ прочихъ свѣтилъ, прострeтъ она лучи свои даже до престола выспренняго; ибо самъ Господь ея примиритель. Се, о Авраамъ! видѣнное мною въ книгѣ вѣчности. Радуйся наперстниче Божїй, и въ восторгѣ радости восхваляй опредѣлившаго роду твоему великїя благости. Ликуй отче великаго Мессїи! обѣты Божїи утверждаются на тебѣ, самые Ангелы болѣе желати немогутъ: буди преисполненъ всѣхъ его благословенїй.

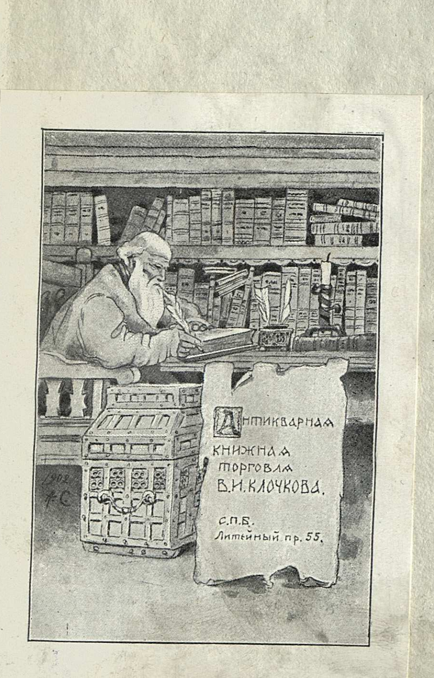
Тако слышится небесный гласъ великаго Елоа. Авраамъ припадши ницъ на землю, проливаетъ моленїя ко Го-

споду, сынъ же по страну его въ сладкомъ восторгѣ погруженъ зрится. Между тѣмъ Елоа отлетаетъ на небо. Коль скоро разпростеръ онъ позлащенныя свои крылѣ, весна пріятнаго благоуханія низліялась на землю.

Авраамъ еще два часа пребылъ на вершинѣ Моріи, восхваляя Господа словесами святымъ духомъ въ него внушенными. Едва страхъ небеснымъ явленіемъ причиненный разсѣялся, Патріархъ снисходитъ съ горы съ сыномъ своимъ; при подошвѣ Моріи обрѣтаетъ онъ рабовъ своихъ, коихъ пріятное явленіе Елоа такожде восторгомъ радости исполнило. Потомъ возвращаются всѣ въ Мав[illegible]икію и имъ кажется, что путь подъ стопами ихъ исчезаетъ.

Конецъ.

Антикварная
книжная
торговля
В.И.КЛОЧКОВА.
С.П.Б.
Литейный пр. 55.